

ТЮМЕНЬ Дмитриева

РОССИЯ. ТЮМЕНЬ

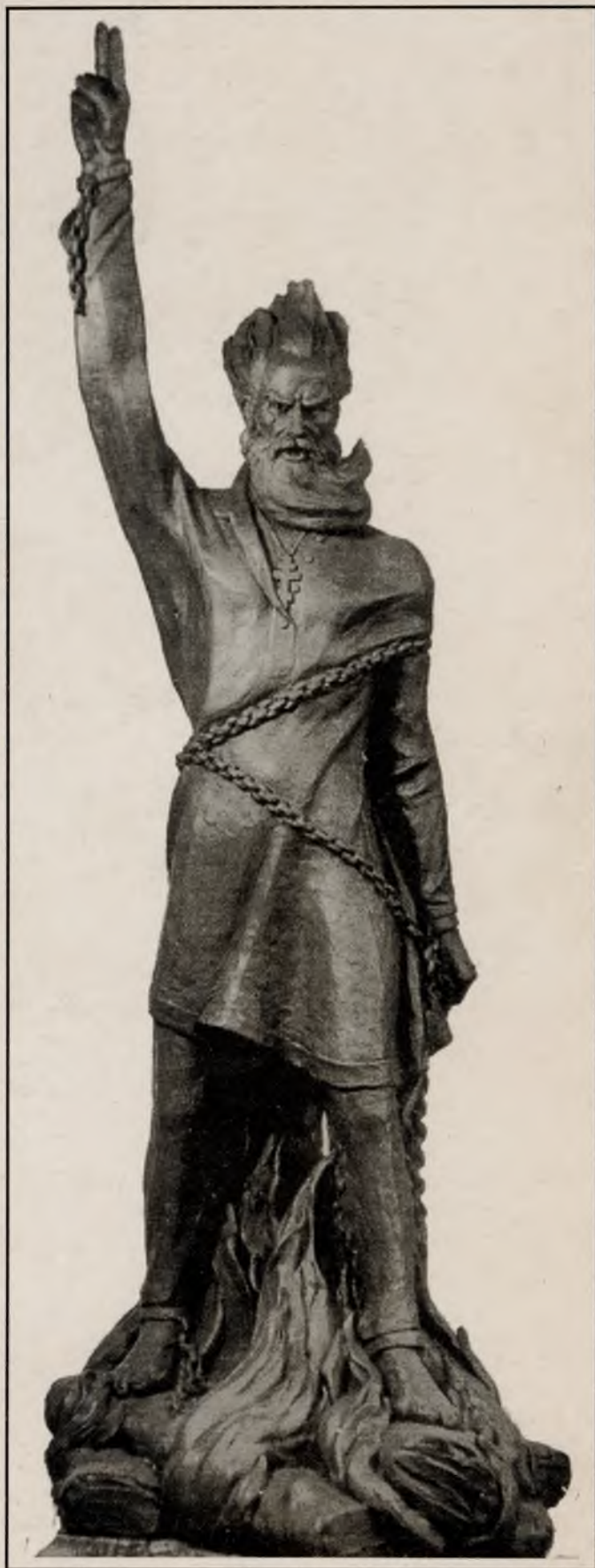
№ 2 (44)

RUSSIA. TYUMEN

Газета писателей России и Русского Зарубежья

Первый номер вышел в июле 1972 г. Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Аввакум

Скульптор Федор Викулов
Гипс

№ 2 1998

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. Это русский человек в его РАЗВИТИИ, в каком, может быть, явится через двести лет».

Н. В. Гоголь

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах;
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли все наводит,

Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Приходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колелясь и шумя...

Александр Пушкин

1836

Явлению А. С. Пушкина 200 лет (1799–1999)

ВЫ ЕГО ЖДАЛИ, И ОН ПРИШЕЛ

*«Виновы ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?»
А. Блок «Скифы».*

Антихрист, о безоговорочном приходе которого рассуждало все прорицательное человечество — от Нострадамуса до разжалованного попа Якунина и прочей леволиберальной «образованщины», ПРИШЕЛ, не дожидаясь окончания века и вообще — конца СВЕТА. Он уже в яви, во всей сатанинской красе. Издеваясь над народом, сыто гогочет и строит козлиные рожи с экрана «тележчика», со страниц «свободной» печати, устраивает обвалы и пожары в шахтах, кидает гигантские самолеты на замороженные города, вынуждает нищих ветеранов войны и труда выбрасываться из окон многоэтажек, неразумно стрелять офицеров, парней — глотать наркоту, а малолеток-девчонок толкает в постели богачей, как «руссианских» так и закордонных.

След его, Антихриста, прослеживается в глубинах российских столетий — в бироновщине, в масонстве реформаторов-пестелей, в софях перовских, стрелявших в русских царей, в черных чекистских кожанках парикмахеров и золотых дел мастеров из Орши и Вобруйска, в длинных шинелях «легендарных» латышских стрелков, что вместе с местечковыми парикмахерами наводняли ЧК и первые советские наркоматы.

Это их «провел» Сталин, обретя в 30-х годах укрепку государственника, принудил всю эту черную «гвардию» пожирать саму себя.

Тем и велика наша победа над ордами Гитлера, которые вдохновляли и подталкивали те же мировые антихристовы силы.

Но Антихрист взял реванш. Постепенно — с «чапаевских» анекдотов на кухнях «шестидесятников», с новых взрывов православных храмов, с гнилой хрущевской «оттепели», под аплодисменты либералов-литераторов, прославлявших «дела и мысли Ильича» (и прочих чехов-венгров-интернационалистов) в своих утомительно длинных поэмах, от которых теперь они и сами не знают, как откеститься, зато успешно открещиваются от всего советского, русского, ратуя — опять же за награды! — за американское, западное.

С горечью думаю, многие думают о том — почему развалилась великая страна? Никакие орды не могли ее покорить — ни мечом, ни армадами танков. «Беловежские заговорщики» — только исполнители глобального плана Антихриста. И он рассчитал точно — растлил души. Только оно, растление огромного народа, и, в первую очередь, всегда продажной интеллигенции, способствовало падению Российской Советской империи. «Простой» народ трудно винить. Он своим трудом способен на великие дела, работая на папьянах, на стройках, на промыслах. Так и было! Но народ — стадо, ведомое вожаками. А «вожаки» объявили себя «демократами», чтоб, не страшась уже никаких парткомов, грабить и делить собственность, созданную несколькими поколениями «простых» тружеников, игнорировать порядок и законность. И вот уж длится вакханалия который год. Витязей для противостояния мало и они неорганизованны. Слишком глубоко проникли метастазы растления в людские души. Конформизм, приспособленчество, трусость — у большей части «образованщины» да и у «простого» люда.

Но есть Витязи — в России, в Русском Зарубежье — дальнем и ближнем. Держатся, сражаясь за Родину, газеты «Омское время», «Завтра», журнал «Наш современник», «Русская провинция» в Новгороде, «Колокол» в Сталинграде, «Кадетская переключка» и «Наши вести» в Нью-Йорке, «Бюллетень» в Каракасе, патристические издания Крыма и Прибалтики, некоторые «чисто» литературные издания в городах Приобского севера...

Но почти не слышен голос «эха народного» в родных тюменских весах. На пальцах одной руки можно перечислить тех профессионалов-литераторов разной ориентации, что отваживаются сказать иногда публично о бедственном положении в экономике, культуре, литературе. Правда, ход жизни застав-

ляет уже и несчастных гайдаровцев овладевать патристической риторикой, выговаривать, чуть не сломав языки: «Россия, русский, патриотизм...» И кто-то из них уже напыжился, грозит пальчиком тем, кто якобы неграмотно «воспитывает любовь к родной земле, к традициям народа».

В этой связи, например, чрезвычайно любопытно было прочитать в тюменских газетах литературные вылазки члена СП А. И. Васильева. В одной («ТИ» №1888) он критикует «Международно-краеведческую» газету «Русь», в другой («ТП» от 17. 12. 97) говорит о поездке на писательский Пленум в Омск, печется о тюменской литературе, где якобы «нет ничего». Суть не в том, что ругнул он редкостное издание, верные замечания А. И. Васильева оспаривать не собираюсь: например, то, что «Русь», выходящая одно-двухтысячным тиражом, «распространяется в 17 странах мира». Последнее, мягко говоря, фантазии. Но налицо ведь и этакое чистоплюйство критика по отношению к газете и к редактору-издателю В. С. Жерновникову. И я хочу защитить старого газетчика в его подвижничестве. Труд этот нынче стоит немало! Это — умение (в одиночку!) найти денежные средства, бумагу, организовать материалы, перепечатать, сделать макет, наконец — типографские хлопоты. И за все платить «дяде». А издателю-редактору и авторам при этом — ни копейки!

Способны ли сии критики-федералы на подобное бескорыстие? Сомневаюсь. Да и время уже показало — нет! Конечно, флагируя недавно по демократическим «апрелям», имея поддержку еврейских культурных организаций, тот же А. И. Васильев недолго издавал альманах с неплохим названием «Сибирский тракт». Лишившись поддержки и не приобретя популярности, издание тихо кануло. Ныне бывший редактор «тракта» подписывает свои газетные публикации как редактор «Сибирского богатства». Несуществующего! Пардон, возможно, «богатство» тоже «распространяется в 17 странах мира», а до Тюмени просто не доходит?.. (Шутка, ирония, понятно...)

Естественно, хотелось бы, чтоб литературный журнал для писателей региона в Тюмени был. Не с таким претенциозным названием, но был! Издавался профессионалами, патриотами отчего края. И уж, поверьте, автор этих строк не бросился бы топтать издание, как горазд это делать А. И. Васильев. Это еще раз подчеркивает, что сии критики никакого согласия не ищут, не хотят. Иная у них «платформа». Открещивались же наш критик и от «Тюмени литературной» — от самого первого еще номера, который готовился силами многих писателей, когда сразу определилась позиция газеты. Игнорируют подобные критики и то, что газета стала широко известна, отмечалась стезем писателей России, как одно из лучших региональных патристических изданий. Ну что ты с ними, «демократами» поделаешь, игнорируют! Даже уничтожить пытались подметными письмами «на верх», навешиванием ярлыков.

Тюмень «нищая» — утверждает в «ТП» А. И. Васильев. В чей это адрес? Не в свой ли? Напомню о личной подвижнической издательской деятельности журналиста Юрия Мандрики. Десятки книг он выпустил в Тюмени, а ныне на выходе — толстый журнал! Так дело, видимо, не только в многолетней (еще с начала «перестройки») бестолковой болтовне о журнале для писателей, не только в «непонимании властей», а в желании и в умении организовать это дело, в подвижничестве, бескорыстии, патриотизме — не на словах. Дилемма такова — либо «засандаливать», как говаривал Шукшин, успешно репу возделывать на пенсионерском огороде, либо — труд на пользу культуры, литературы, Отечества.

...Да, да, увлекшись, будто бы и забыл об Антихристе. Что ж, вот он сам о себе напоминает. Берет уроки у логопеда, обучается произносить: «Русь! Россия!» И — заливается патристическим соловьем.

Не обманитесь, братья!

Николай Денисов

«И один в поле воин, коль по-русски скроен. Каждый из нас может очень многое, если перестанет жить шепотом, если перестанет обманывать себя и окружающих и если бесстрашно выйдет на бой — на поле Куликово. На духовный бой...»

Николай Бурляев, народный артист России

Нина Ющенко

«ИЗ ТАИНСТВЕННОЙ СТРАНИЦЫ...»

О, люди, хватит, будет
 Да, я поставлю крест
 На той стране буржуйной!
 Но остров Альбион —
 Он, как вопрос дежурный,
 И, как волшебный сон.
 Под низким, сизым небом
 Осиплые суда...
 О, кто здесь только не был!
 А я вот — никогда.
 Когда морские волки
 По трапу, не спеша,
 Идут, я знаю только
 Поет у них душа!
 Они на дальнем острове
 Сказаний и легенд
 Забудут темы острые
 Сражений и побед.
 А среди скал заброшенных
 (Один моряк признал)
 Летучего Голландца
 Капитан стоял.
 Он был красив и молод,
 Как в первые века.
 И только жизни холод
 Томил его слегка.
 Он на поклоны здешние,
 Увы, не отвечал.
 И только очи вешние
 Надменно опускал.
 В глухом, старинном замке
 Один не ночевал —
 Он знал: его назавтра
 Ждет девятый вал...
 И я смогу едва ли
 Забыть свою печаль.
 И Альбиона дали
 Мне бесконечно жаль.

***

Поезд мчится.
 За окошком
 Вижу бунинский пейзаж:
 Темный лес,
 пустынный берег,
 Лодка старенькая,
 пляж.
 «Здесь, конечно,
 здесь когда-то
 Неужели я была?
 И по этой глади водной
 В легкой лодочке плыла.
 И костер у кромки неба,
 Где закат всегда пылал,
 Я беспечно разводила,
 Усмиряя в сердце жар.
 И пастух всегда суровый
 Приезжал поить коня
 И горячими глазами
 Он одну ласкал меня», —
 Так попутчица
 Неспешно говорила
 в тишине.

Поезд мчался...
 То ль в пространстве...
 То ли просто
 по стране.

***

Ах, председатель,
 Давно уж известно:
 Горе у нас от ума.
 Смотрите, какая

Суровая нынче
 Упала на город зима.
 А ждали суровой...
 Все шуточки Ваши!
 О чем бесконечно шумят
 У вас в горсовете
 Избранники наши?
 А годы, все лучшие годы летят.
 Не лучше ли, право,
 И левым, и правым,
 А может, нам лучше
 Вдвоем на новом авто
 В Приишимье, к казахам,
 Накинув небрежно пальто
 Уехать? Кумыс там
 И пресных лепешек обилье,
 И яркий, как знамя, закат.
 Простите, не знаю,

по происхожденью
 Вы, уважаемый, пролетариат?
 Ах, да! Но манеры и обхожденье
 Учтивы, изысканы столь,
 Что трепетно стало,
 Когда мы сядились
 С Вами за стол.
 Забудем дебаты
 И крик депутатов.
 Забудем на миг, на часок.
 Хозяин — казах, аксакал

бородатый,

Нальет нам душистый чаек,
 И мирно, спокойно
 Полетится беседа.
 И вспомним: мы
 Братия все...
 Опять в Приишимье
 Холодное лето.
 Туманы клубятся в овсе.

***

Отчего так прикипела
 Я душой осиротелой
 К этим далям черно-белым —
 Так судьба моя велела?
 Вот акация седая,
 Здесь польнюю пахло душно...
 Как неловко приседает
 Дом наш старый и ненужный.
 У забора дождик плачет,
 Словно старый клоун в цирке.
 Он в своих ладонях прячет
 Чьи-то письма, даты, цифры...
 Только я, забыв упрямо
 Про разлуки и потери,
 Так хочу увидеть маму,
 Открывая в доме двери...
 В нашей горнице когда-то
 Такой светлой и пригожей
 Полумрак, чужие люди.
 Говорю им: «Отчего же
 Здесь вы?» Тихо отвечают,
 Головами все качают...
 Рамы! Рамы отворите...
 Ничего не говорите...
 В сенях шум дождя на крыше
 Никогда я не услышу
 Звук шагов ее несмелых...
 Отчего так прикипела
 Я душой осиротелой
 К этим далям черно-белым —
 Так судьба моя велела.

***
 Ни следа, ни вскрика птицы.
 Ветер крестит зимний путь.
 Звезд волшебных вереницы...
 Из таинственной страницы
 Я прочту Вам что-нибудь,
 Что-нибудь из книги судеб,
 Хоть Вам, право, все равно
 Опечалит кто, осудит
 Или душу вдруг остудит
 Чье-то белое вино.

***

Когда шумит
 осенний тополь
 Своей серебряной листвой,
 Я вспоминаю
 древний топот
 Коней и голос
 сильный твой,
 Мой предок! По степям
 казахским

Тогда водились табуны...
 (О, как люблю я эти сказки —
 Поверья милой стороны).
 ...В ауле, среди степей
 польнных,
 Где неба синего простор,
 Я слышу юношей
 былинных
 Такой веселый разговор:
 «Пора! Уж сердце сечи просит
 Пока злой враг свой меч не бросит,
 Сразимся, чтоб всегда
 Свободы яркая звезда
 горела!»
 И сеча грозная кипела.
 — Но только Времени река
 Свои меняет берега.
 Да, говорят, мельчают души...
 (А впрочем, что нам байки слушать.)
 ... Шумит седой осенний тополь.
 Постой... да это... дальний
 топот.

***

На мрачный остров Альбион
 Меня всю жизнь влекло.
 Но вот, увы, не повезло —
 Так недоступен он.
 Сначала мама и родня
 Сказали: «Далеко».
 Потом любимая страна
 Спросила: «Отчего?»
 «Куда, зачем, откуда?» —
 Посыпалось окрест.

Рассказ деревенской девушки

1

Выходила Люба в круг,
За собой звала подруг.
Выводила звонко песню.
— Девки, в горнице-то тесно.
Оха-ха, да оха-ха,
Чем я, девоньки, плоха —
Юбка на мне новая,
Сама я чернобровая.
Наплясалась до упаду,
Насмеялась до слез.
Мне миленочек из города
Подарочек привез:
Шаль цветную-расписную.
Перстенечек-янтарек.
Меня девушку простую
Не на шутку он увлек.

2

Я на ферме у телят
Сердцем истрадалась
«Бабы, корму не хватает, —
Бригадир сказала, —
Соблюдайте рацион.
Все, чтоб по науке».
Папка мой ворчал в избе:
— Выдумали штуку...
Только ты при том, при всем,
Любка, покумекай —
Рацион-та, можа, он
Скотинке не помеха.

3

Пропадала день и ночь
На лугу у стада.
Приезжала, говорят,
Без меня эстрада.
Пели песни про любовь.
Толкунова пела.
Бригадир сказала мне:
— Что же, девка, делать?
Для тебя вон соловей
Ошалело хлещет.
Небо синее. Луга
Травами трепещут.

4

Я пойду во чисто поле,
Ветру в пояс поклонюсь
Без милого-дорогого
В синей речке утоплюсь.
Возвратите злые люди,
Возвратите мне любовь,
Возвратите мне надежду,
Что его увижу вновь.
Шаль цветная-расписная,
Темно-синяя кайма,
Без тебя, мой ненаглядный,
День и ночь схожу с ума.
То ли в поле задержался,
То ль в конюшне есть дела,
То ли девушка другая
Тебя, милый, увлекла.

5

Я лицом к земле припала
Косы с травами сплелись.
Бригадир тогда сказала:
— Что ты, дурочка, уймись.
Твои слезы — это в поле
Утром легкая роса.
Говорят, без них, навроде,
Стать невестою нельзя.

Ну, поплачь, поплачь, покуда
На теляток погляжу.
Как науку соблюдаешь —
Слышь-ка, что я говорю?

6

Это лето было долгим.
Была долгою тоска,
Но работа излечила
Да еще Ишим-река.
Ее теплою водою
Смыло с глаз моих печаль.
Унесло ее волною
Подаренную мне шаль.

7

Собирались на ферме
Там, где красный уголок.
Папка мой от радости
Сказать двух слов не мог.
Позабыл про самокрутку,
Щурил добрые глаза:
— Вот так дочка,
Вот так Любка!
Ну, да что там, егоза.
А потом разговорился,
Свою критику развил.
Зоотехнику, парторгу
На собрание говорил:
— Привечайте молодежь-та,
Уваженье дайте ей.
А те выдумали штуку —
От земли бежать своей.
Сиротить отцов под старость.
Сиротить родно село.
Я украдкой вздохнула:
— Вон как папку понесло.

8

Чуть дрожа, к трибуне вышла.
Попросили рассказать
Про уход, про рационы,
Про моих родных телят.
Я в руке платочек сжала
И сказала не тая:
— У меня секретов нету,
Но болит душа моя,
Если скотник не во время
Корм завез, в грязи загон.
Нам порядок строгий нужен.
И чтоб был он, как закон.

9

Бригадир наш
Тетя Тоня
После всех держала речь.
Говорит она немного,
Но умеет словом жечь:
— В общем, бабы, нам наука
С вами дадена одна,
Чтобы сильною и сытой
Оставалась страна.
Коли выполним задачу,
Будет нам хвала и честь.
Посмотрите на резервы —
Неиспользованы есть.

10

Сердце радостно сжималось,
Ног не чуяла своих,
Когда шла на вечер в клубе
Наплясаться за двоих.
Было в зале шумно, людно —
Негде яблоку упасть.

Незамеченной стояла —
Это что же за напасть.
Вальсы плавали устало,
Шейк качался горячо.
Вдруг подруга мне шепнула:
— Тебя ищет морячок.

11

Одноклассник Коля Громов.
Бескозырка, якоря.
— Отслужился вот, приехал.
Списан Коля с корабля.
Взял забытую гармошку.
Потихоньку, понемножку
Стал наигрывать мотив,

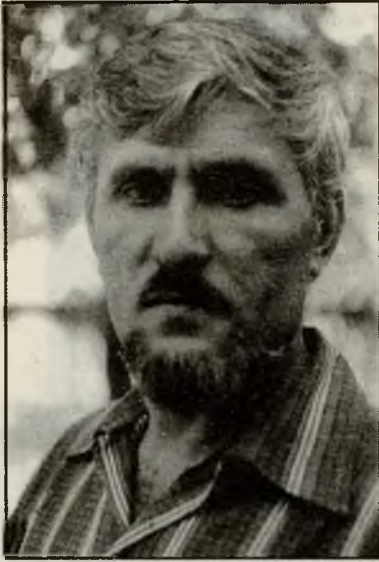
Подружки. Фото Г. Петровского

Зал прислушался, затих...
Детство вспомнилось до боли.
Школа. Парта у окна.
Меня Коля провожает.
Не хожу теперь одна.
А в деревне-то, известно,
Разговорам нет числа:
— Агронома разлюбила.
Моряка вот завела.
Только я, поймите сердцем,
О любви пока молчу.
Над намеками подружек
Только громко хохочу.

12

Выходила Люба в круг,
За собой звала подруг.
Выводила звонко песню.
— Девки, в горнице-то тесно:
— Ох, сорока-белобока,
Научи меня летать,
Чтоб не низко, не высоко
Только б милого видать.

Россия

Россия — страна света. «Вечной России» назвал философскую свою картину Илья Глазунов. Луч идеи ее — созидание, творчество. Потому на переднем плане полотна и сонм их — художников дела, мысли и духа. И потеснены к обочинам варварство древних веков и кровавые современные вакханалии. Из дальностей дохристовых пролучивается в космос будущего свет добродетели. Золочение его вечно и неистребимо. В нем сущность русской идеи.

Русь — само восклицание, явленное нам в XIII веке автором «Слова о погибели Русской земли»:

«О светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многая красотой наполнена: озерами многими, реками и колодцами месточтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями давными, зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами древними, садами возделанными, домами церковными, князьями грозными, боярами достойными, вельможами многими. Всем ты наполнена, земля Русская!»

Русь — «не стареющеее детство», «вечная молодость», как можно было бы сказать о ней. И немудрено ли, что именно такой древнемолнийный высверк ее души восприняла молодница-десятиклассница из села Первая Березовка Тамбовской области Марина Струкова:

От моста до моста — суета,
От реки до реки — грусть,
От зари до зари — красота,
От огня до огня — Русь.

Русь — Птица, ищущая дорогу себе меж огнями зла. Два крыла ее, два крыла — это правда ее и ложь. Так мыслит Отчизну свою юная поэтесса из Первой Березовки. Есть в ее стихах что-то тютчевское с его знаменитым: «Умом Россию не понять...»

О Руси, о державе нашей можно го-

ворить бесконечно. Россия — орел Рифейских гор, распростерший крылья, одно — до Балтики, другое — до Тихого океана. Киевская Русь, казалось бы, ядро России, но влияние Азии в лике монгольских орд уравновешивало весь ее территориальный и духовный расклад. Это теперь — преданья старины глубокой. Где она ныне Киевская Русь, Рада, Богдан Хмельницкий? Застонал Киев от горя, а Чернигов от напастей, скажем мы нетленным словом героических русских сказаний, тоска разливаться стала по земле Русской, печаль обильная потекла. И никнет трава от жалости за Россию, дерева с тоской к земле преклонились.

Но есть Сибирь сегодня — новый духовный центр страны, тот гигантский тигель, на огне которого идет прокатка характера русского человека, государственности российской, судьбы Отечества и планеты. Академик Виль Казначеев заявляет, что Сибирь — уникальная площадка для формирования новой цивилизации на Земле, новых этносов, что тут рождается особый пласт эволюции на земном шаре, развиваются такие экологические и духовные процессы, которые могут обернуться наводнением на Европу и Америку. И действительно, в Сибири на один квадратный километр приходится 0,1 человека. Это территориальный вакуум. Но природа пустоты не любит, и не случайно сибиряки на себе уже ощущают мировое демографическое давление, волну эгоизации, идущую с Запада. Сибирь осознает, что она великан, большой богатырь. Больной реками, лесами и небесами, эрозией духа. И оно же, это осознание, питает сибиряков надеждой, что их материк возродится, встряхнется от оморочи застойных явлений, что живительный дух поободрит его жилы и волны облагораживающего влияния начнут истекать отсюда, что с благоговением будут взирать народы на орла гор Рифейских.

А теперь послушаем народ, как говорится. Вот о чем размышлял в одну из наших встреч вятский журналист Александр Зорин, «косматый философ», как зовут его друзья, обладатель буйно-дремучей, естественно, шевелюры:

— Россия ныне, в годы восьмидесятые, под занавес второго тысячелетия — это 18 миллионов чиновников на 13 миллионов крестьян. Вот и останавливается в деревне время. Видит Бог, не от счастья. Россия наша — это и 40 контролеров и управляющих на 20 работающих. Пока могли — крали у природы. Теперь обворовываем людей, че-ло-ве-ка.

Ректор Тюменского нефтегазового университета Н. Н. Карнаухов:

«Россия, увы, страна революций. Ниспровергателей в конце концов догоняет

их же собственная судьба. Звать студентов на площадь, чтобы оказывать давление на Думу? Толпа, баррикады, знаете, это не метод. Кризис в России, я верю, пройдет. Мы выплывем. Но какими мы выплывем на заветный берег — толпоу бичей или артелью старателей? Это нам решать уже сегодня».

Но вот новый поворот темы, как говорится:

«Россия, вы меня очень, очень извините, Россия, я вас прошу понять меня правильно, — страна непуганных идиотов. Понимаю, что больно вам слышать это, а я знаю ж и Россию другую, по родному отцу своему, который побывал в российском плену, и эта Россия поставила на колени Германию, защищая свою честь и независимость. И все-таки говорю вам больное. Ринулись вы к капитализму, но ка-пи-та-лизм — это же капитал, а не спекуляция, это — независимость какая-то, чувство собственного достоинства. Лицо нынешней России же — коммерсанты, которые не знают даже, что такое банкротство, не пуганые они, трудно с ними работать». Из интимно-товарищеского спича коммерсанта из ФРГ (со слов моего друга, ныне писателя-амурца Валентина Крылова, который имел честь быть приглашенным на презентацию...)

Трудно не трудно содружествовать с нами Западу, но не отвернуть с этого пути, придется признать также, что Россия — это зрение, и свое оно у нее, особое. «У Руси глаза велики» (М. Цветаева).

Россия — она глыбича, народ русский — талантище, и его на колени никогда не поставит.* Таково представление о России у старого артиста-цыгана, высказанное им в одной из телепередач. Не понял я, к сожалению, кто ж это был, но достал он до самых трепетных струн во мне, когда исполнил романс, входя буквально в каждое слово текста и живя в нем, пусть мгновения, как в объемном и светлом зале:

И просить буду я
У всевышнего Бога,
Чтоб меня над Россией
Хоть раз пронести.

Россия — это два лика ее, РОССИЯ ВИДИМОСТЕЙ (Розанов), реки, одетой в панцирь льдов, с ясными заснеженными берегами, и РОССИЯ СУЩЕСТВЕННОСТЕЙ (опять же Розанов), подспудного, тайного, стрележнего течения жизни ее подо льдом. Ясновидение — единственный путь к ее пониманию. Жизнь говорит об этом.

Россия — большая телега. Как покатила куда — не остановишь. Кончатся

* На сегодня я не вижу, правда, никого, кто бы намеревался это сделать, кроме собственных правителей.

ся ж тем, что засядет она где-нибудь. В кювет ли, в ров, в болотину врывается. И через пуп ее потом выдирай. Вся история России — это грохочущее качение ее куда-нибудь, а потом — выволакивание. Так примерно высказывался с соседом нашим Отечестве сосед мой, искусствовед Александр Валов, вспоминая детство на вологодской земле: холмы, коней и телеги, которыми полна была тогда его жизнь. А буквально на следующий день после разговора с соседом, читая «Дневник» русского цензора А. В. Никитенко, наткнулся я на абзац, который не мог не выписать:

«13. Суббота. Тише, тише, кони! Тише, пристяжная, к чему так выворачиваешь голову и откидываешь ноги в сторону? Коренная! Не скачи, иди мерно, слушайся кучера. Он не хочет, чтобы вы угораздили сами себя, повозку и его в яму или наделали другой какой-нибудь чепухи. Не надо, не надо этих скачков и прыжков! Русь ровная, кое-где усиленная, кое-где живая, кое-где умеренная до шага, а главное — ехать по дороге, не бросаться в сторону, доехать до станции, а не завалиться в ров или не попасть в какую-нибудь трупобу — вот что свидетельствует о хорошо выезженных лошадях и о хорошем кучере, который умеет ими управлять».

Ну не случайно разве одинаково чувствуют Россию человек минувшего века и наш современник! Вот Шаляпин в воспоминаниях Константина Коровина: «Я люблю Россию. Деревенскую телегу, лошаденку». Из этой оперы, как говорится, гоголевская Русь-тройка. Но у Гоголя она раскрывается скорее как явление духа, а не так, как у вышеназванных россиян наших — со всем бытом-скарбом, хозяйством, со всей народной жизнью. И что удивительно, простыми, казалось бы, своими мыслями указывают они и положительную программу развития страны. Собственную, родную, русскую. И не надо, оказывается, ездить за нее в заморские государства, как это делается сейчас. «Зачем ума искать и ездить так далеко?» — скажем мы по-грибоевски. На нас ведь ОТТУДА смотрят с надеждой.

Принц Чарльз, престолонаследник Британской империи:

«Россия — единственная точка, которую я вижу, где может быть начало какого-то возрождения, откуда может прийти возрождение, ибо сами вы, джентльмены, понимаете, что все мы катимся в бездну разврата, распутства, грабежа, воровства, аморальности полной, к извращению полному».

И ничего не остается нам, россиянам, как внять гласу великого нашего соплеменника Михайлы Ломоносова: «Восстани и ходи; восстани и ходи, Россия. Отряси свои сомнения и страхи, и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся!»

Вера Худякова

Первый снег

А после первых заморозков — снег
На стылую, задумчивую землю.
Пока мы спали, к нам летел во сне,
Проснулись — он лежит и будто
дремлет.

Какая удивительная тишь
И чистота под этим хмурым небом!
О чем грустишь ты, снег, о чем молчишь?
О тех краях, где ты ни разу не был?
Я тоже, слышишь, не была нигде,
К твоей печали я не безучастна.
Ты знаешь, можно к мерзлой борозде
Вдруг испытать мучительное счастье.
И этим запорошенным стогам,
Что держит небо над дорогой белой,
И этим затуманенным лугам
В любви признаться робко, неумело.

За околицей...

За околицей солнце,
За околицей травы,
Вспоминаются милых друзей голоса,
Немудреные наши затеи, забавы
И бегущие тропки в поля и в леса.
Сколько ягоды спелой собирали
в лукошко,
Сколько всяких грибов приносили домой!
И влюблялись, казалось, пока понарошку —
Эти боли и радости вечно со мной.
Никуда не уехать, не скрыться, не деться,
Если вдруг защежит предосенней порой,
Будто ждет за околицей давнее детство,
С непокрытой, счастливой стоит
головой...

Спасибо, Родина

«Спасибо, Родина, что счастье есть», —
Сказал поэт Рубцов и не ошибся,
Он просто больно о любовь расшибся,
И боль его в груди, вот где-то здесь.
А что такое счастье? Это свет
От материнских глаз, родных и близких,
От серых туч, плывущих низко-низко
Над грустью всех ушедших дней и лет.
От мокрых перелесков и лугов.
Им так легко быть у дождя во власти!
Еще, я думаю, бывает счастье,
Когда друзья сильнее всех врагов.

Спасибо, Родина, что счастье есть!
Оно кричало в детской колыбели
Звончей всех свиристелей и апрелей,
И мне оно ничуть не надоест.
Спасибо за высокую любовь,
Что мне дает и силы, и терпенье,
И светлые минуты вдохновенья,
И радость, и восторг, и эту боль...
Спасибо, Родина, что счастье есть!

Нежность

В пригон долетает осенняя свежесть,
Корову дою не спеша.
Волнует ее нетерпенье, поспешность,
Живая коровья душа.
То мкнет утробно, то вся напряжется.
В ответ ей бычок промычит.
Он в перегородку мордашкой суется
И рожками в дверцы стучит.
И сено не естся, и поило не пьется —
Скорей бы сынка увидеть!
Как мне от хвоста от ее достается!
Терпи уж, немножечко ждать!

Рога свои клонит все ниже и ниже.
Украдкой за нею слежу.
Тепло и шершаво весь бок мне облизет.
Неуж на телка похожу?!

Сквозь эту осенне-рассветную свежесть,
Сквозь сумрак пригонной тиши
Такая пронзит материнская нежность,
Что хочется плакать и жить!

1997

* * *

Серые заборы захохотустья.
Я избенок крыши набекрень.
Я с каким-то непонятным чувством
Рвусь к тоске забытых деревень.
Русь моя! Ты плакала и пела
В каждой заколоченной избе,
От работы, от молитв светлела.
Этот свет лишь теплится в тебе.
Вновь старуха жилистой рукою
Ходики поправит на стене.
Что же ей почудилось такое
В этой одичавшей тишине?
Хоть бы ветер распахнул воротца,
Хоть бы дождь в окошки постучал!
Лишь в стекло бездумно муха бьется,
Сиротливо ходики стучат.
В этом звуке столько скрытой грусти.
Незаметно угасает день...
Серые заборы захохотустья
И тоска забытых деревень.

1997

* * *

А осень была!
Позавидует лето
Простой деревенской глуши.
Как много в ней было
Прощального света,
Высокого света души.
Какие восходы,
Какие закаты,
Какой отрешенный покой!
Кружиться, лететь бы с листвою куда-то
Над полем родным, над рекой.
Чтоб все перелески
Вдогонку грустили,
Вдыхали кусты, как могли,
Чтоб ждали — вернемся иль нет?
Чтоб любили,
чтоб память о нас берегли.
И недолговечная эта свобода
Прибила бы снова к земле.
Напомнил о доме дымок с огорода,
Закат, как вино в хрустале.

1997

Исетский район

Александр Кравцов

У Александра Борисовича Кравцова вышла первая книжка прозы «Августовская метель». Издана она в Екатеринбурге, в старейшем в России Средне-Уральском книжном издательстве. Поздравляя писателя, нашего друга, отмечаем, что большинство произведений этой небольшой книги были опубликованы на страницах «Тюмени литературной».

В предисловии к сборнику автор отмечает, что он посвящает ее «друзьям — топографам и геодезистам, рыбакам и охотникам. Тем, кто познал прелесть ночевки у костра, прелесть свеженарваренной ухи из добытой тобой самой рыбы или просто печеной картошки. Тем, кто способен радоваться неприметному лесному или полевому цветку, красивому закату. Тем, кто не забыл слова своих любимых песен».

НАЙДА

Рассказ

Это было давно. Если не ошибаюсь, в году шестьдесят четвертом... Был я в то время молодым и кучерявым, не то сейчас, — Борис Петрович с сожалением поглядывал ладонями большие залысины. — Что поделаешь? Стареем.

В том году в поле мы вылетели как-то поспешно. День отлета не был заранее известен, поэтому и получилось все так неожиданно, сомкано. Приказ о выезде обрушился на нас как холодный дождь среди жаркого лета. Отложив до осени любовные похождения, и распрощавшись с пивом, через пару дней мы были уже далеко от Приреченска. И только в полях, разобрав рюкзаки, мы выяснили, во что обошелся поспешный отлет. Тот забыл британский прибор, тот белье, а этот вообще рюкзаки перепутал: тот, который нужно было сдать на склад личных вещей, он взял с собой, а походный рюкзак с энцефалиткой, запасными портянками, носками и прочим барахлом он оставил. Конечно, сейчас без улыбки тот случай вспомнить нельзя. Представьте себе: в тайге, в парадном костюме и с нивелирным прибором на плече. Пришлось бедолаге помяться — мошка лезет во все щели, комар грызет. Но потом его пожалели — выддели кто энцефалитку, кто портянки.

В Крутояре, там находилась база партии, мы тоже не задержались, поэтому собаку не сумели заранее присмотреть и прикормить, поэтому перед самым вылетом на участок работ поймали первую попавшуюся и в вертолет.

Борис Петрович Красносельцев, начальник геодезической партии, наш руководитель производственной практики рассказал нам — студентам топографических техникумов — эту историю, когда мы сидели в аэропорту Приреченска и ждали спецрейс на Севера.

Жара. Июнь палит, выжимает пот и желание спрятаться в какую-нибудь норку. Залечь там, как медведь в берлоге, и пить пиво или, на худой конец, квас (хотя эти напитки летом большой дефицит) и балдеть. Но это мечты. А в действительности духота нас выгнала из здания аэропорта на травку ближайшего сквера, под тень клена.

Мы лежим и слушаем рассказ Красносельцева. И хотя наше воображение уже давно нарисовало картину дикой северной природы, где за каждым кустом прячется медведь или росомаха, а деревья усыпаны куропатками и тетеревами словно грибами,

мы попросили Бориса Петровича рассказать нам о Крайнем Севере, о местах, где нам предстоит работать, об интересных случаях из его жизни.

В тот год я закончил МИИГАиК,¹ и по распределению попал в Приреченск. Я давно мечтал попасть в Сибирь. И хотя была возможность поехать в Закавказье, в Тбилиси, где я проходил преддипломную практику, ею я не воспользовался. В те времена Приреченская область была слабо изучена в картографическом отношении, а геологам срочно нужно было геодезическое обоснование. Это были времена открытия большой нефти.

Меня определили помощником к Ивану Поликарповичу Цареву. Вы уже, наверное, слышали о нем. И если кто обратил внимание на Доску почета — там его фотография красуется. В те годы он считался одним из лучших наблюдателей, да и сейчас он молодым не уступает. А за его плечами и Саяны, и Кавказ, и Камчатка. Возможно кто-то из вас попадет к нему в бригаду.

Нам предстояло наблюдать пункты триангуляции² в районе реки Пыхва. Там по предположению геологов должна быть нефть. И, действительно, позже там обнаружили и нефть и газ. Объект наш считался срочным, и поэтому нам было заявлено, что в Приреченск мы попадем только после его сдачи.

Честно признаться, я сначала боялся — тайга, которую я видел только в кино, поселений мало, да и те расположены друг от друга за сотни километров. Ну, — думаю, если заблужусь, то пропаду. Куда ни глянь — лес, лес, лес. Для меня это даже дико — столько деревьев вместе растет, да еще какие деревья! Шапку приходится придерживать, если вздумашь посмотреть как белка по ним сигает. Я ведь родом из степного края, и для меня лес — это лесополоса. Поохал я несколько дней, повосхищался, а потом привык и даже мог уверенно показать которое дерево сосна, а которое — кедр.

Третьим членом нашей бригады был Вася Миронов, молодой парень с огромными мощными ручищами, которые, казалось, были приставлены к его короткому бочкообразному туловищу. Издали он очень напоминал одного из наших далеких предков, из книжки по биологии. В этом теле жила добрая, безотказная душа. От постоянно был чем-то занят: что-то тесал, рубил, строгал,

вязал. В перерывах варил пищу, и опять за топор или рубанок. Но иногда на него нападала хандра, он прятал инструменты в ящик, доставал из рюкзака иглу с нитками и принимался вязать сети, которых у него накопилось уже с полмешка. На вопрос: «Зачем ему столько?» он только отмалчивался. А иногда принимался объяснять, что сети у него разные, на разную рыбу, и что они всегда пригодятся. Можно, к примеру, обменять на водку или еще на что-нибудь. В общем Вася был для нас человек незаменимый, и о нем я вам подробнее потом расскажу.

Прилетели мы на пункт, и не успели еще открыть дверь вертолета, как нас атаковали полчища комаров. Пришлось терпеть до тех пор пока не улетел вертолет и мы не расплаковали вещи — там у нас был «Репудин».³ Вот тогда я впервые пожалел, что у меня нет хвоста. Руки заняты — надо быстро-быстро выгрузиться, а комары торжествующе поют: «Попались?!»

Собаку мы первой из вертолета выкинули и ей тоже досталось. Все-таки в тайге комары и злее, и крупнее, да и количеством их поболее будет. Мошка и комары сразу облепили нос и глаза, она лапами смахивает их и жалобно визжит. Потом заскочила в вертолет, жмет к нам. Ее опять выкинули, а она покрутилась и опять в вертолет. Пришлось дать ей пинка, чтобы не пугалась под ногами.

Вертолет улетел. Мы достали «Репудин», намазались, сели на вещи и спокойно закурили. Потом, в сторонке от вертолетной площадки, поставили палатку, сделали нары, стол, раскинули спальные мешки, поставили полога от комаров, и после того, как мы более-менее устроились, обнаружили, что Бича нет. Кто из нас дал собаке эту кличку, я уже не помню. Да и не в кличке дело. Как еще можно назвать собаку с помойки?

Так вот, обнаружили мы, что нет его. То ли он обиделся за пинок, то ли еще по какой причине, но к палатке он не подходил. Как мы его только не приманивали, что мы ему только не предлагали: и тушенку, и сухари, и рыбу, и колбасу, а он ни в какую. Бегаёт по кромке леса, лает, а не идет. Ладно, думаем, проголодается — придет. Но он не пришел ни вечером, ни утром.

Вася наш забеспокоился. Как же так, хоть и собака, а есть тоже хочет. Да и собакой Бича еще назвать нельзя, так щенок еще. Начали мы думать, как его изловить. Промышленные способы добычи зверя нам не подходили. Вася тем временем стал носить

¹ МИИГАиК — Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

² Пункты триангуляции — пункты государственного геодезического обоснования.

³ «Репудин» — жидкость от комаров.

⁴ Вертолетка — вертолетная площадка.

на «вертолетку»⁴ миску с едой. Вася от миски — пес к ней, Вася к нему — тот в лес. Как-то Вася говорит: «Придумал». Мы обсудили его проект и решили попробовать, все равно собаку как-то надо изловить. Ведь через пару-тройку дней за нами должен вертолет прилететь, а как пса в лесу бросить?

Установили наклонно ведро, на доньшко налили баланды, и приладили к ведру петлю. Бич покрутился около ведра, мол, что за новшество? Что не могли по-человечески в миску насыпать? Но принюхавшись, решил отведать, что это Вася ему приготовил.

Мы подождали, пока он залезет, не опасаясь, поглубже в ведро и дернули за веревку, которая и захлестнулась у него на животе. Он испугался, завизжал и ринулся бежать. Но как он мог убежать? На голове ведро, на животе веревка. Привели его в палатку и Вася тут же нацепил ему ошейник и привязал к нарам, под которыми ему выделали место.

Вечером, когда мы вернулись с наблюдений, Вася говорит нам:

— Мужики, а ведь это не пес.

— Как не пес? — говорит Иван Поликарпович, — Черт что ли?

— Нет, это не мужик, а баба.

— Какая еще баба? — удивился Царев. — Ты чего, паря, на солнце перегрелся?

— Да, нет. Сука это, сука.

— Так чего же ты сразу не сказал? А то мозги пудришь: баба, баба.

— Так ведь ее теперь надо перекрестить, — вступил в разговор я. — Новую кличку ей надо дать.

— А как ее назовем? Бичиха? — предložил Вася.

— Бичиха?! Ну и фантазия у тебя. Что это за имя. Пусть она будет Найдой, раз такая оказалась случилась, — принял решение Царев.

— Ну как, ты согласна? — спросили мы псину, которая во время нашего разговора пытливо поглядывала то на меня, то на Царева с Васей и дружески махала хвостом.

С того дня Найда стала полноправным, четвертым, членом нашего коллектива. Она сопровождала нас на работу к тригонометрическому пункту и, пока мы производили наблюдения, гоняла куропаток и других птичек. Но когда Вася брал в руки ружье, чтобы идти на охоту, все внимание она уделяла ему. А на нас смотрела с каким-то презрением: мол, чем вы занимаетесь, когда вокруг столько дичи.

Мы все привыкли, привязались к Найде, а Вася (сколько раз мы замечали) начал с ней беседовать как с человеком. Она тоже освоилась. Как только мы на новом месте ставили палатку, она под нарами рыла себе убежище, в котором спасалась от жары и, в какой-то мере, от комаров. Забьется туда, лапами глаза прикроет, чтобы комар поменьше грыз, и лежит. Вдохнет иногда тяжело, поворочается, устраиваясь поудобнее, и опять затихнет. Но вот в конце июля или, скорее всего, в начале августа, уж точно не помню, нам с нею пришлось расстаться. Как и почему? Сейчас расскажу.

Перебросили нас на пункт Озерный вне плана. Начальник партии залетел к нам туда из других бригад узнать про наши дела. Погода все дни стояла ровная: слабый ветерок, легкая облачность — короче, мечта наблюдателя, и мы, воспользовавшись этим подарком, свою работу выполняли раньше наме-

ченного срока. У вертолетчиков было и время, и горячее, поэтому нас решили перебросить на новое место, тем более, что новый пункт находился по пути на базу.

Продуктов у нас было мало, мы рассчитывали на новый завод при переброске, поэтому начальник пообещал выполнить нашу заявку в ближайшие дни, а пока отдал нам свой, так сказать, бортиак — пару банок тушенки да сгущенки и несколько пачек галет.

Быстро соорудив лагерь, мы пошли «пасть» на чернику. Поликарпович решил на вечернюю видимость не ходить, а устроить себе полный выходной. А утром следующего дня поднялся сильный ветер и у нас опять до вечера появилось окно. Занялись камеральными работами: составляли сводки, замыкали треугольники. Вечером же, поднявшись на сигнал, увидели, что все западное направление затянуто маревом. Горела тайга. На другой день мы учуяли запах дыма. Поднявшись вновь на пункт, мы поняли, что пожар идет в нашу сторону. Мы с Васей заволновались: «Что делать?», но Царев успокоил нас, сказав, что западнее нашего лагеря протекает речка Сылваяха, так что огонь вряд ли перекинется через нее. Но волновало нас и другое — в назначенный срок вертолет не прилетел, а продукты у нас на исходе. Мы ведь их не экономили, а когда спохватились, то экономить уже было нечего. Осталось у нас банки две-три тушенки, килограмма два макарон, горсти две риса, немного сухарей и муки и, то ли банка борща, то ли щей, а из курева — несколько пачек «Беломора» да махорки.

К концу первой недели (а мы тогда посидели на том пункте три недели) наши запасы исчезли наполовину. К концу второй — мы почти полностью перешли на чернику да голубику с брусникой. И хотя они еще были не совсем спелые все равно как-то разнообразили наше меню. Много было радости, если кто из нас находил гриб, но такое случалось не часто. Я же говорил вам, что в то лето сушь стояла почти такая же, как и сейчас. Дождей не было, так откуда же грибу было взяться, но зато в сентябре мы не знали куда их девать. Про охоту и говорить нечего — дичь исчезла. Хотя однажды Вася убил большого глухаря и в его желудке обнаружил золотой самородок размером со спичечную головку. Видимо глухарь был путешественник — в свое время побывал в предгорьях Урала. Но такого расцвета Васиной фантазии мне больше не довелось видеть. Он с ходу предложил Цареву переключиться на добычу золота. На возражения того, что никто из нас не умеет мыть золото, Вася горячо возражал, что это пустяки, что главное — начать, а после первых килограммов золота дело пойдет само собой.

Самой тяжелой оказалась третья неделя. Вы ведь знаете как тяжело ожидание, а ожидание на пустой желудок тяжело вдвойне. Царев все поглядывал на Найду, потом предложил нам зарезать ее и съесть. Вася бурно запротестовал, заявив, что он попытается еще какую-нибудь дичину подстрелить. Но лес словно вымер, даже надоевшие рожки куда-то подевались. Я тоже был против. Царев же стоял на своем. Только после того, как Вася заявил, что пристрелит любого кто тронет Найду хотя бы пальцем, Иван Поликарпович уступил. Напрягши свои извилины, вспомнив классиков приключенческого романа, я решил сварить суп из лосиной шкуры,

которую Царев использовал вместо подстилочки. Тщательно промыв ее в нескольких водах, нарезал лапшой, предварительно сбрав ножом волосы, и поставил варить. Царев смотрел и только ухмылялся. Решив, что мое блюдо уже готово, я отрезал кусок и начал жевать — не жуется. Тогда я нарезал кусочки поменьше и начал глотать их как утка, не жуя. И еле успел отбежать от костра, как меня вырвало. Видимо я еще не был готов к таким испытаниям. Вот вы сейчас смеетесь, а мне тогда не до смеха было. А какими мы стали худыми! Глаза запали, носы заострились, кожа пожелтела. Но все-таки должен заметить, Вася с Поликарповичем съевали ту шкуру. Я после того эксперимента залез в спальник и лежал до той поры, пока Царев чуть ли не пинками погнал меня на черничник. А на меня такая апатия напала, что ничего не хотелось: ни есть, ни думать, а только спать и спать.

Царев с помощью Васи расшевелил меня, и я выполз на гриву, к ягодам. Случайно мой взгляд натолкнулся на Найду. «Так это же мясо, — ошгла мысль. И до того мне стало жаль себя, что даже слезы покатились из глаз.

— Поликарпович! — закричал я. — Вари!

— Чего, милок, варить-то?

— Найду вари!

Вася с дикой злобой посмотрел на меня, взял Найду и пошел на охоту. И после этого он не отпускал ее от себя ни на шаг.

Но время делало свое дело — сдался и Вася. Заканчивалась третья неделя нашего вынужденного сидения. Мы решили еще ночь потерпеть, и если с утра не будет вертолета, то сварить Найду. Она, видимо, чувствовала это — скулила, визжала, пыталась вырваться, потихоньку грызла веревку, но у нее уже не было сил перекусить капроновый фал.

Утро нам радости не принесло, и к обеду Иван Поликарпович сварил собачатину. И должен вам, друзья мои, сказать, что вкуснее я еще ничего не ел! К вечеру мы повеселели и Царев поставил варить следующую порцию. Первый раз он сварил немножко — шею и ребра. Я лежал у костра и мечтал о том, что я буду есть, когда вернусь на Большую землю, а от костра, из ведра пахло жизнью.

Вдруг сквозь скрип деревьев, треск горящих поленьев, послышался до боли знакомый звук. Смотрю и Вася голову приподнял — тоже прислушивается. Царев же застыл в напряженной позе с поварешкой в руке. А звук все ближе и ближе, все знакомее и роднее. Бог мой! Да это же вертолет! «Ура! — кричу, — вертолет!»

Откуда только силы взялись. Вскakiвая и лихорадочно начинаю собираться. Мужики тоже забегали. Вон уже над лесом показалась зеленая стрекочущая точка. Вертолет сделал над нами «круг почета» и сел. А у нас уж и сил нет загружать вещи. Такая тоска напала. Сидим и смотрим как начальник партии вместе с бортмехаником таскают в вертолет наше барахло. Затем и нам помогли взобраться.

Потом была больница, а потом поле. И снова с нами была собака, и ее мы называли Найда. Да и сейчас у Царева Найда в бригаде есть. А вертолета долго не было из-за лесного пожара, пока не потушили, он работал на лесниках. Ну что? Давайте собираться, кажется наш рейс объявляю.

Николай Ленисов

«ОБНАЖАЕТСЯ КАРМА ЭПОХИ...»

Адский холод

Адский холод. Заря вдалеке.
 Раннеутренний топот народа.
 Столб фонарный, как свечка в руке.
 До скончания века — три года.
 Сонмы новых ошибок и проб.
 Но расписан итог, как по нотам:
 Я в автобус вбиваюсь, как в гроб,
 Он взорвется за тем поворотом.
 Ни печали, ни грусти в душе —
 Под гипнозом всеобщего свойства,
 Жду с каким-то азартом уже
 Кульминаций взрывного устройства.
 Никому не сносить головы,
 Ни дельцу-подлецу, ни поэту:
 Где любовь-покаянье? Увы!
 Где любовная лирика? Нету.
 Мчусь со всеми в огне зоревом
 Сквозь моторные выдохи-вздохи.
 На дрожащем стекле лобовом
 Обнажается карма эпохи.
 И чем ближе взрывная волна,
 Тем трагичнее лира пылает.
 Говорю ей: «Есть выбор!» Она
 Ничего понимать не желает.

1997

В думах о вечном

Кто-то долбит монотонно
 Возле крылечка ледок,
 Всех-то рабочих сезонных —
 Дятел и местный дедок.
 Дачки в морозном уборе,
 Можно сказать, терема!
 Полупустой санаторий,
 Глушь, не сойти бы с ума.

В думах о вечном, высоком
 Ловишь приметный момент:
 Дед надолбился и, с Богом,
 Тяжкий прибрал инструмент.

Радует дятла отвага,
 хлопоты — тоже не мёд.
 Редко когда, бедолага,
 В тесном дупле прикорнет.

Долбит сосну спозаранку,
 Ради червя одного.
 Может быть, дятла морзянка
 И раздражает кого?!
 Вот уж, слышать, на болоте,
 И никому не к лицу
 Плохо судить о работе,
 Что по плечу молодцу.

1998

Бесы

Не пылил, по столу не стучал,
 В одночасье предстали врагами,
 В том порядке, как их обличал,
 Сопредельно мерцали рогами.
 И когда уж набрал высоту
 С обличеньем, похрюкали сыто:
 Мол, пора подвести и черту, —
 Стол накрыт и помыты копыта!
 Тут качнулся в простенке портрет —
 Аскетичный, висел для престижа.
 — Это ж бесы! — шепнул мне аскет.
 — Сам уж, Федор Михайлович, вижу!

Было дело, двух-трех «замочил»,
 О дальнейшем... провалы местами.
 Дома лишь телевизор включил, —
 В этом «ящике» вертят хвостами.

Непривычный к бесовской игре,
 Щелкнул кнопкой, каюк балагану,
 Так и сбуклякали в черной дыре,
 Только рябь и круги по экрану.

1998

Предателю

Понимаю, не будет чуда,
 Но поймут, хоть кого спроси:
 Лучше б сбрыкал ты в ад, иуда,
 «Лучший немец» всея Руси!
 Там порядки и нынче четки,
 Каждый вписан в свою графу.
 Скажем, адские сковородки
 Лижет Суслов. Но это ж — тьфу!
 Ну, конечно, смола, обноски,
 Воронья запредельный край...
 Но ведь струсишь ты, уж цековский,
 Ускользнешь, перевертыш, в рай.

Заклинаю святым и грешным, —
 Мало дела права качать, —
 Хоть в рай, хоть в аду кромешном
 Отыщу. Не моги сердчать.

Ты, скажу, предавал нас ловко,
 Не отвертись в этот раз,
 Час пришел! Вот твоя веревка,
 Специально тебе припас!

1997

Индусы

Во всех кругосветных искусствах,
 Случайно ль, но выпало так:
 Как помню, жалел я индусов —
 Биндюжек портовых ватаг.

Зыбка ведь стезя человека,
 Вдвойне — на чужой стороне.
 Серчал я на немца, на грека,
 С индусами ладил вполне.

В Бомбее-порту или Кочин,
 Где можно от зноя пропасть,
 Они расторопны не очень,
 Зато уж улыбки — страсть.
 Намаются за день и — в спячку,
 Устелят телами причал.
 Проснутся, жуют свою жвачку,
 Наверно, чтоб тонус крепчал.

Фанаты таинственной веры,
 Ведомые Буддой самим,
 Стреляют в своих же Премьеров
 И горько стенают по ним.
 Костры погребального ада
 Сандалом и лавром горчат.
 Что жалость? Тут гневаться надо!
 Не знаю я. Боги молчат.

1998

В штормовом океане

Все «верные ленинцы» — в рынке
 Торгуются, пена у рта.
 А я к перекраске и линьке
 Не годен, порода не та.

Они, словно голые в бане,
 У шаек своих и корыт.
 А я в штормовом океане,
 Мне путь указывает бушприт.

Напрасно пытаются вычесть,
 Во мгле пеленгуют следы,
 Под килем одиннадцать тысяч
 Спасительных метров воды.

И в небе я вижу поруку,
 И к Богу зайду, не беда,
 С ним раньше по правую руку
 Случалось сидеть иногда.

1996

Старинные пушки

Штормуем. И шторму не писан закон,
Вчера утопил он несчастного грека.
Тут впору писать заявленье в ООН
И ставить вопрос о правах человека.

Но все ж у Нептуна светла голова,
Дал фору нам. В бухту вошли

до заката.

И как между прочим итожит братва:
Ну вот и достигли Америк, ребята!

А тут, будто высверк далеких зарниц,
Старинная крепость над бухтой

воздета,

Чугунные пушки глядят из бойниц,
И вроде б дымят фитили на лафетах.

Конечно, мы грузы возьмем для Европ,
Начальство даст отдых культурный

команде.

Но эти орудья запомним по гроб —
Над тихой водой городка Риу-Гранди.

Похоже, в согласии с мирной судьбой,
Держа под прицелом морские пределы,
Они не замедлят с ответной пальбой,
Коль вдруг кто затеет неправо дело.

1997

Антихрист

В листве осины зреет страх,
Трепещет древо-выкрест:
Для всех голов не хватит плах,
Когда придет Антихрист!

И ты наивен, человек,
И так в наивстве канешь.
Еще добром жестокий век,
Двадцатый век, помянешь.

А двадцать первый, может быть,
Прикинет так, считая:
Пустые головы рубить,—
Лишь трата сил пустая!

Вот он идет, —
Загробный свист! —
Все три шестерки* — кб дню.
А русский лес роняет лист, —
Вглядись, как в преисподню.

1996

За русских

Когда-то морем грезил я счастливо,
Просил, безбожник: «Боже, помоги!»
И он помог, они в моем активе —
Моря и штормов адавы круги.

Пройдя под Божьим парусом планету,
Мне о Всевышнем думалось подчас:
Каких кровей он? Метрики б, их нету,
Писаний тьма, исправлены не раз.

* 666 — число зверя.

Известно лишь — когда и кем распят
он,
И кто орал: «Распни его, распни!»
Так что ж теперь зациклились на
пятой,
На краткой строчке паспортной — они?

А дел-то всех — «расшить тот пунктик
узкий»,
И был бы снят сей пристальный вопрос:
Пусть ты еврей, но будь за нас,
за русских,
Как Иисус Иосифыч Христос!
1998

Владыка морей Нептун. Рисунок Ирины Денисовой.

В одном уральском городе

С подозреньем гляжу я на сей твердокаменный город,
Не берусь выгораживать даже работный народ.
Дружно пропили «ВИЗ», «Уралмаш» промотали. И впору —
Снова песнь заводить про несчастный кирпичный завод.

Вот свой поезд дождусь, подпирая колонну вокзала,
И надолго закружат глубины пространства и лет.
И кургузый Свердлов, что не сдернут еще с пьедестала, —
На аптекарских ножках, — вздохнет с облегченьем во след.

Настроенье опять — уводите и сразу повесьте!
От одних открестился, к другим не прибился, не смог,
Вновь трамбуют асфальт на расстрельном Ипатьевском месте,
И трагедии русской все катится дальше каток.

Ну, понятно, да здравствует! — нет ни цензур, ни запретов.
Но пришла и расплата. Во мгле наши версты-пути.
И пример налицо: даже пары приличных поэтов,
Как не тщись, в этом городе нет, с фонарем не найти...

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ПУШКИНСКОГО СТИХА

В начале приведу полный текст этого стихотворения:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

16 июля 1827 года.
г. Санкт-Петербург.

... Всего пятнадцать строк стиха, а в них, пусть инсказательно, сказано огромное — целая эпоха жизни Российского государства с судьбами его людей в его необозримом пространстве — «лоне вод», как говорит автор стихотворения, — сперва спокойном (тихом), чуть позже — «измятом с налету вихрем шумным». В этом — гений русского поэта.

«Арион» — будто окровавленный высверк молнии, разрубившей бытие империи на два поля — мирную жизнь государства после Великой войны и эпоху ужесточения царской власти после декабря 1825 года.

Все сказанное в стихотворении зашифровано — от заголовка до последнего слова, но о чем оно, знает каждый школьник, знает в общем. Я же постараюсь расшифровать «Арион» в деталях.

Бесспорно, в имени древнегреческого певца автор стиха скрыл свое собственное имя — Александр Пушкин, поэт — певец жизни, его окружающей. Это меньше; большое начинается с первой строки стихотворения:

Нас было много на челне...

Да, их было много — заговорщиков, членов двух Тайных Обществ, «Северного» со штабом в Санкт-Петербурге и «Южного», штаб которого находился в г. Тульчине и Каменке, имени декабря Василия Львовича Давыдова.

Повторюсь: их было много, обостренно недовольных укладом жизни в России начала XIX века, особенно, после войны 1812-1814 гг. Вот именно, «их», а не «нас», как сказал поэт. Пушкин, прощенный императором, поняв, что ему уже ничто не грозит, и исповедуясь перед властьюпредержащими стихотворением «Арион», употребив местоимение «на́с» вместо справедливого «их», намеренно «сгущает краски», т. е. усугубляет свою вину перед царем и иже с ним, пришедшим к власти вслед за убийственными залпами пушек на Сенатской в декабре 1825-го.

Справедливости ради, Пушкин никогда не был «на челне», т. е. никогда не был членом ни Южного, ни, тем более, Северного Тайных Обществ. Поэта берегли и цари, и заговорщики — для России. К тому же, поднадзорный опальный поэт никак не мог быть членом тайного общества. Иногда бывая на собраниях южных заговорщиков (в Каменке) поэт читал собравшимся «свои ноэли», и только.

Иные парус напрягали...

«Парус напрягали»... полковник Пестель, его первый помощник Муравьев-Апостол, члены Южного Тайного Общества, и Северного — князя Трубецкого — до избрания его диктатором, Оболенский, Щепин-Ростовский, поэт Рылеев, братья Бестужевы, Каховский, полковник Булатов, «кавказский герой» Якубович и другие. Замечу кстати: «храбрый романтик» капитан А. И. Якубович «напрягал парус» до определенного момента. Став тайным участником генеральской оппозиции переприсяги Николаю Романову и единомышленником Санкт-Петербургского военного губернатора графа М. А. Милорадовича, он предал замысел товарищича

по заговору, отказавшись вывести в день мятежа на Сенатскую площадь морской Гвардейский экипаж, хотя по плану диктатора Северного общества князя С. П. Трубецкого должен был во главе сего экипажа взять Зимний и арестовать семью Великого князя, т. е. Николая Павловича, ставшего императором в день мятежа. Капитан Якубович, организовав втайне от Трубецкого и Рылеева свое мини-общество в составе подполковника Г. С. Батенкова, инженера-юриста, человека холодного ума и командира Гвардии лейб-гренадерского полка полковника А. М. Булатова, надеялся на мирный исход мятежа несогласных с переприсягой от Великого князя Константина его младшему брату Николаю, рассчитывая на переговоры с ним. В день мятежа, 14 декабря 1825 года, Якубович вел переговоры с Николаем Павловичем на Сенатской площади — на виду у восставших — но Николай не «понял» «кавказского героя» и отправил его парламентарем к каре Московского Гвардейского полка, дабы уговорить гвардейцев мирно ра-

ником Павлом Пестелем и после назвать в «Арионе» «кормщиком» именно его. Тем более, что в стихотворении прямо сказано: «Погиб и кормщик...» Да, Пестель по приговору суда погиб — был повешен в числе пяти приговоренных к высшей мере наказания. Но полковник Пестель был арестован задолго до событий на Сенатской площади и на роль «кормщика» обещанного заговора годится с натяжкой. Тем более, что Пушкин написал «Ариона» почти два года спустя после мятежа реформаторов, проживая по милости царя уже в северной столице России, где в свое время действовало Северное Тайное общество под руководством своего «кормщика» — диктатора князя Трубецкого. А то, что князь Сергей был умным «кормщиком» не подлежит сомнению. Князь был полковником Генерального штаба, всесторонне образованным человеком и потому общепризнанным авторитетом в среде заговорщиков. Если бы в день мятежа его помощники действовали строго по плану, им разработанному, победа декабристов была бы историческим фактом. Правда, князь Трубецкой не погиб как погиб пушкинский

ТАЙНА АРИОНА

«Сегодня я разговаривал с умнейшим человеком в России. Это — Пушкин».

Николай Первый.

зойтись по своим казармам. Московцы едва не подняли предателя на штыках. Якубович спасся бегством. Его тайный покровитель граф Милорадович к этому времени был смертельно ранен выстрелом Каховского, а генералы оппозиции — командующий гвардейской кавалерией А. Л. Воинов и командующий гвардейской пехотой К. И. Бистром — не желали встретиться с талантливым трехличным предателем.

Судьба Якубовича и Батенкова общеизвестна. Скажу несколько слов о трагической судьбе полковника Булатова, обманутого «храбрым кавказцем». Став узником Петропавловской крепости, блестящий командир лейб-гренадер сошел с ума и покончил жизнь самоубийством.

Другие дружно упирали

В глубь мощны веслы...

«Глубь» — казармы нижних чинов, вербовкой которых занимались младшие офицеры-заговорщики — лейтенант Д. И. Завалишин, лейтенант морского Гвардейского экипажа Антон Арбузов, братья Беляевы, молодой князь Одоевский, юный граф И. П. Коновницын — сын героя Бородин генерала Коновницына, командир 6-й роты морского Гвардейского экипажа лейтенант Бодиско и другие. Они были «гребцами» заговора, упирающимися «в глубь мощны веслы». Благодаря их усилиям на Сенатскую площадь в день мятежа вышли роты Московского Гвардейского полка, роты Гвардейских лейб-гренадер и подразделения морского экипажа.

Их предали.

... На руль склонясь,

наш кормщик умный

В молчанье правил грузный челн.

С «кормщиком» посложней. Кто он?

В начале 90-х, слушая радиопередачу из центра, я узнал из уст московского пушкиноведа, анализирующего стихотворения «Арион», что пушкинский «кормщик» — сам император Александр I. Ни больше, ни меньше! Под невольное «ну и ну!» я саркастически усмехнулся подобным экскурсам в отечественную историю и с того дня начал накапливать литературу по данному вопросу, дабы раскрыть тайну зашифрованного пушкинского стиха.

Так кто же «кормщик» по-Пушкину?..

... Поэт, будучи в своей южной ссылке и бывая в давыдовской Каменке, мог познакомиться с главой Южного Тайного общества полков-

«кормщик», — князей в XIX веке в России уже не вешали: времена Ивана Грозного канули в лету, а время большевиков еще не наступило. Ни Трубецкой, ни Волконский, ни Одоевский, ни Оболенский, ни Щепин-Ростовский не разделили жестокою судьбу пятерых приговоренных к повешению, ни судьбу Булатова и Корниловича, добровольно ушедших из жизни.

Так кто же «кормщик»?

Скорее всего, — это автор Конституции, полковник Пестель. Если автор «Ариона» был лично знаком с ним, то, естественно, отдал предпочтение погибшему руководителю Южного Тайного общества. «Пловцом» погибшим вместе с «кормщиком», мог быть любой из четырех казненных вместе с Пестелем. Не хочу ошибиться, но склонен утверждать, что «пловец» — это поэт Кондратий Рылеев, второе лицо после диктатора Северного Тайного общества.

... Как видите, присутствие императора Александра I в качестве «кормщика» на пушкинском «челне» — поспешный домысел московского пушкиноведа, не выдерживающий критики.

А я — беспечной веры полн, —

Пловцам я пел...

Ни одного стихотворения лично членам Тайных Обществ Пушкин до «Послания в Сибирь» и «На 14 декабря» не посвящал.

Однако же, поэт знал, что его возмутительные стихи, такие как ода «Вольность», «Деревня», «Чаадаеву», «Андрей Шенье», «Гаврилади», серия эпиграмм, написанные в послелицейский период, расходятся в рукописях по всей читающей России и, конечно же, оседают в бумагах дворянской молодежи, большинство которой было в оппозиции царю и правительству России.

В десятой главе романа в стихах «Евгений Онегин» Пушкин признается, что он читал «свои ноэли» собиравшимся «у Никиты и Ильи», в Каменке.

Но Пушкин, «беспечной веры полн», пел пловцам, будучи на берегу, а не на челне.

Я хорошо понимаю, почему автор «Ариона» так упорно причисляет себя к «экипажу челна», но помолчу, уважая в нем русского великого поэта. Скажу только, что пушкинские слова «беспечной веры полн» как нельзя лучше оправдывают «арзамасское» прозвище Пушкина — «Сверчок».

Вдруг лоно волн

Измаял с налету вихорь шумный...

Да, точнее не скажешь. Правда, Пушкин, может быть, в угоду рифме «умный — шумный» эпитетом «шумный» заметно снижает оценку происшедшего на Сенатской площади Санкт-Петербурга вечером 14 декабря 1825 года. Там был треск ружейных залпов восставших по присягнувшим Николаю преобразенцам и конногвардейцам. Чуть погодя ружейные залпы мятежников были смяты грохотом пушек, визгом убийственной картечи, криком расстреливаемых почти в упор, стонами раненых и умирающих.

Соглашусь с тем, что Пушкину не разрешили бы слишком гротать даже словесно в его стихе-исповеди. Поэт знал меру.

Я гимны прежние пою...

В этой строке поэт лукавит. Прежних «гимнов», таких как, например, ода «Вольность», строки которой невозможно читать без душевного содрогания:

Самовластительный злодей!

Тебя, твой трон я ненавижу,

Твою погибель, смерть детей

С жестокой радостью вижу.

Эти строки поэт с жестокой беспощадностью предрек судьбу последнего российского императора, его семьи, его детей. Может быть, эти строки пушкинской оды подали мысль Пестелю отрубить голову российскому императору на Конституции заговорщиков и уж наверняка пришлось по вкусу большевикам, сотворившим свое кровавое, ритуальное действо в июле 1918 года. В общем, в этих безжалостных строках из поэта выглянул маленький Емелька Пугачев, из-за плеча которого, спустя почти два века, высунулись омерзительные лики большевистских каннибалов.

Это даже не обыкновенная юношеская фронда, это нечто иное, по-видимому, подтверждающее определение Пушкина, данное им самому себе: «Смесь тигра с обезьяной».

Признаюсь, об этом не хочется говорить.

... Пушкин, возвращенный из ссылки волею великого князя, «запел» иные гимны. Пример — «Стансы»:

... Семейным сходством будь же горд;

Во всем будь пращурю подобен:

Как он, неутомим и тверд,

И памятью, как он, незлобен.

Стихи посвящены Николаю Павловичу. Анализировать не стану. Скажу только, что Бенкендорф, прочитав «Стансы», расхохотался. Николай же «приговорил» их к опубликованию. Еще бы!..

И ризу влажную мою

Суну на солнце под скалоу.

Приступая к расшифровке последних строк «Ариона», повторюсь: в этих строках сокрыта тайная тайных пушкинского стихотворения, суть исповеди поэта.

... По возвращении из Михайловской ссылки Пушкин, как он сам записал в своем дневнике, запыленный и усталый, прямо из дорожной коляски фельдшера Вельша, привезшего его в Москву, был немедленно препровожден в покои Великого князя Николая Павловича и, как известно из дневниковой записи самого поэта, имел продолжительную беседу с его Императорским Высочеством, по-сути — с завтрашним Императором Николаем I. Во время беседы Николай спросил Пушкина: «Скажи честно, с кем бы ты был, если бы был 14 декабря 1825-го года в столице?» Поэт ответил с предельной откровенностью: «Ваше Императорское Величество, все мои друзья были на Сенатской, и я был бы с ними».

Потомок московских бояр Романовых остался доволен искренним признанием потомка московских бояр Пушкиных. Они разговоривали в тот день как равные. Более того, обращение поэта к еще некоронованному монарху — «Ваше Императорское Величество» — прозвучало для Романова как присяга Пушкина ему. Николай

был удовлетворен. За это надо было платить, и Романов не поскупился. Отныне Пушкин был приближен к Императорскому Двору, его личный цензором стал сам монарх. Это была честь, какой не удостоивался ни один поэт мира. Кроме того, Николай предложил поэту составить на его высочайшее имя записку об упорядочении народного образования в России.

Забегая несколько вперед, скажу, что сия «Записка» Пушкина так и осталась на бумаге. По-видимому, автор ее в чем-то «перестарался». По-пушкински!..

Итак, встретились Желание иметь / Иметь придворного поэта — П. Г./ и Необходимость жить. /Жить, уже не подсвистывая царям — П. Г./ Они отлично поняли один другого, и поэт, на прощанье поклонившись завтрашнему Императору, поклонился своему будущему. Да, это было так!

Я не желаю уподобиться большевистскому агитпропову и не намерен повторять в лад любому из этой ханжеской когорты, что русский царь Николай I — Николай Палкин, душегубитель народа и его талантов, солдафон и прочая, и прочая в этом роде. Но, справедливости ради, при этом «солдафоне» и «душегубе талантов» Российской Империи стала ведущей державой мира, а истинные таланты процветали. Любый умеющий думать и понимать знает это. Русский царь был человеком государственности, а то, что «держал в руке шпидертен», так в России без этого нельзя. В этом отношении мы шагнули далеко вперед, поменяв николаевскую лозу на ельциновский каучук. Прогресс, так сказать!.. А в литературе?.. Русские Пушкины, Гоголи, Тютчевы подменены самой разношерстной литературствующей шпаною, начиная от приписной памяти «поэта» Эдуарда Вагрицкого, а истинный талант вынужден выпрашивать миллион «соломенных», чтобы издать сборник стихов или прозы.

Но это я так, мимоходом.

... Сразу же по окончании беседы с поэтом Его Императорское Высочество сказал другу детства Александру Бенкендорфу: «Сегодня я беседовал с умнейшим человеком России. Это — Пушкин». Сказанное Николаем сиятельным жандарм записал в свой дневник с припиской от себя: «Что это за поэты, Бог мой! Вертики, все в долгах, вечно убегают от кредиторов, яхшуются черт знает с кем!»

Герой войны с Наполеоном, барон Бенкендорф почему-то не терпел стихотворцев, но на этот раз сделал опрометчивую промашку: отныне поэт Пушкин будет «яхшаться» с самим Императором и с ним, сиятельным жандармом, графом Бенкендорфом!..

Кстати, со временем глава Третьего отделения канцелярии Его Императорского Величества попытается приобщить Пушкина к службе в своем ведомстве, но гордый потомок московских бояр и Абиссинских царей когорту Булгаринных и Гречей не пополнил.

Бенкендорфу все чаще стали докладывать о возмутительном поведении Пушкина в столичных кругах: дебоширит, тратит бешеные деньги, в преферансе «гнет карту на сто», пиршествует с друзьями, особенно с гусарской молодежью...

Сиятельный жандарм усмехался: «Наш пита наскулился в сылках, пуская его — проветрится. Шекспир и Мильтон, господа, тоже не ангелами в туманном Альбионе были и шпагами недурно владели. Лишь бы умы больше не будоражил «Гавририадами» да одами возмутительными. Однако же, глаз не спускайте».

«Глаз с поэта не спускали». Шеф тайной полиции приставил для наблюдения за Пушкиным опытного сыщика-соглядатая, управляющего его канцелярии Магнуса Готфрида фон Фока. Старый прожженный в сыске лис, с изуродованным странным наростом лицом, отныне доносил своему начальнику о каждом шаге поэта, о каждой минуте его взбалмошной жизни. Сыщик до того усыпил бдительность вольнолю-

А. С. Пушкин. Автопортрет.

биво стихотворца, что стал самым сокровенным собеседником его.

Бенкендорф на многое закрывал глаза, но кое о чем должен был докладывать Императору, особенно о любовных шапнях поэта с великосветскими львицами. Царь отшучивался: «Александр, ты, наверное, помнишь, как говаривал на этот счет мой покойный родитель? «На то и дырки, чтоб их конопатить!» — и добавлял, смеясь: — Надеюсь, Пушкин не ноги им ломает!».

Они дружили — Император и опора его власти — Сиятельный Жандарм. Дружили с детства. После смерти матери братья Бенкендорф, Александр и Константин, воспитывались в царской семье, наравне с цесаревичами. Об этом позаботилась императрица Мария Федоровна, чья память о своей ближайшей подруге Тилии Бенкендорф. Так что отношения царя и шефа жандармов были более, нежели дружба.

Возведя Бенкендорфа в графское достоинство, Николай помог ему выкупить у одного из отзейских баронов мызу Фалль, — граф должен иметь собственную лагифундию! — и нередко навещался в Фалль, превращенный его хозяином в поистине райский уголок на берегу Балтийского моря, в двадцати верстах от Ревеля (ныне Таллин — П. Г.) Здесь росли деревья, посаженные Императором и его семьей, здесь инженер и композитор — автор музыки Государственного Гимна России «Боже, Царя храни!» ротмистр Львов построил изумительный по красоте висящий мост, о котором Николай I восхищенно отзывался: «Львов перекинул через овраг смычок своей волшебной скрипки!», здесь Бенкендорф, в знак дружбы с Императором, установил отлитый из бронзы бюст его.

Мызу Фалль превосходно описал в своих «Воспоминаниях» правук Бенкендорфа и внук декабриста Сергея Петровича Волконского князь Сергей Михайлович Волконский, родившийся и выросший в Фалле.

Бывая в этом райском уголке, Император настоятельно советовал своему другу подружиться с поэтом Пушкиным и пригласить его в Фалль как гостя и собеседника.

Пушкин был приглашен в начале июля 1827 года. Посетил ли поэт сей райский уголок, неизвестно. Об этом в дневниках Пушкина и Бенкендорфа ни строки, но о том, что поэт побывал в гостях у сиятельного жандарма, красноречиво говорит дата написания им стихотворения «Арион» — 16 июля 1827 год. Надо полагать, что беседа с Бенкендорфом стала истоком исповедального пушкинского стиха. Да, обласканный царем, убежденный словами сиятельного собеседника на мызе Фалль, Пушкин уступил необходимости жить, покончив с бравадой и фрондой: отныне он сушил влажную свою ризу на Солнце под Скалоу». Нетрудно понять, что пушкинское «солнце» — это Император, а «скала» — сиятельный жандарм Бенкендорф, опора власти царя, защита законопослушных.

Петр ГРИГОРОВ,
филолог.

Песнь шестая

Шестая песнь — самая трудная и для Пушкина, и для нас. Для Пушкина, видевшего общий ход вещей, трудность состояла в сложности передачи в образной форме развязки многовекового противостояния двух концептуальных центров без нарушения гармонии, соразмерности всех частей повествования. И хотя мы уже знаем, что последняя точка под всю поэму была поставлена 26 марта 1820 года, из переписки современников можно понять, что «Песнь шестая» была спета в августе 1819 г. Знакомый нам опекун А. И. Тургенев в письме П. А. Вяземскому от 16 июня 1919 г. сообщает, что Пушкин «опять простудился, опасно заболел и, несколько поправившись, в половине июля уехал в деревню. Откуда и вернулся в половине августа, ОБРИТЫЙ И С ШЕСТОЙ ПЕСНЬЮ». Читал же поэт по возвращении в Петербург только «Песнь пятую». Доработка «Песни шестой» шла более полугодом, хотя в основе своей была завершена летом в Михайловском.

Много написано пушкинистами о бурной светской жизни автора поэмы «Руслан и Людмила» в первые послелицейские годы, и, видимо, поэтому сама поэма и современниками Пушкина, и многими поколениями его потомков воспринималась не как поэма-быль, а как сказка. И не смущало леваков-пушкинистов предупреждение Пролога:

**Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.**

Всей верноподанно-жидовосхищенной критикой /другой у нас просто никогда не было и нет/ в среде многомиллионного русского и русскоязычного читателя второе столетие вырабатывается устойчивый стереотип отношения к поэме как к СКАЗКЕ, хотя все шесть частей ее имеют ясное название ПЕСЕН. Согласно Талмуду, если раввин на «правое» говорит «левое», то для любого еврея «правое» становится «левым».

Слово «сказка» во времена написания поэмы, согласно словарю В.И. Даля, было многозначным, но на уровне понимания послереволюционных поколений сохранилось одно: «Сказка — вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть». В то же время на Руси всегда знали, что «сказка — складка, а песня — быть». Двадцатилет-

СКАЗКА-СКЛАДКА,

«Руслан и Людмила». Развитие и становление государственности народа русского и народов СССР в глобальном историческом процессе, изложенном в системе образов Первого Поэта России А. С. Пушкина.

ний гений Пушкина стоял перед сложной для русской словесности той эпохи задачей соединения склада сказки с Божественным ладом общего хода вещей. По признанию отечественной и зарубежной критики, это удалось в свое время лишь легендарному Гомеру, и потому не случайно в цитируемом нами выше «Предисловии...» наряду с другими вопросами есть такой: «Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ними? Как писать /и, кажется, серьезно/, что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Гомеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю, и которых многие другие тоже не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: (далее текст на латыни. — Авт.) «каждому человеку свойственно ошибаться; только глупцу — упорствовать в ошибке» (XII Филиппика Цицерона). И завершается столь странный вопрос саркастической фразой по-французски без указания имени автора: (Твоим «почему», сказал Бог, не будет конца).

Благодаря общению в раннем детстве с бабушкой Марией Алексеевной Ганнибал и няней Ариной Родионовной, помнивший огромное количество русских народных песен, сказок, пословиц и поговорок, поэт знал, что сказка складком, а песня ладком красна». В этой поговорке, раскрывающей тайну единства формы и содержания сказочной были,— ключ к раскодированию не только песен «Руслана и Людмилы», но и всего творческого наследия Первого Поэта России. Этот ключ получит строгое определение в последней из всего цикла пушкинских сказок-предсказываний «Золотой петушок».

**Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.**

Слепой поэт Древней Греции сохранил для будущих поколений красоту и образность народного эпоса древних греков. Но «древнегреческая красавица» стала рядовой пленницей в гареме Черномора, потому что песни Гомера не могли дать понимание народу ни о глобальном историческом процессе, ни о технологии похищения красавиц. И не потому что Гомер не хотел, или не мог это сделать. Просто время создания творений Гомера почти совпало со временем формирования концепции управления Глобальным надидейским Предиктором и его периферии — еврейства в легендарном Синайском «турпоходе». Для Пушкина, прекрасно знающего не только древнерусский эпос, но и древнегреческий, не по наслышке знакомого с Ветхим и Новым Заветами, а также с Кораном, стремление пойти дальше Гомера было результатом сознания своего предназначения. Опираясь на информационную базу великорусского языка и осознавая в его лексических формах общий ход вещей, он в образах прошлого угадывал будущее, поскольку в отношении понятия «ум» стоял на позициях простонародных. Намек — знак словом или делом для напоминания и вразумления.

«Добры молодцы» — современники Пушкина намек поняли так: (Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первой поэмой Пушкина. Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шума, сколько произвела эта детская и нисколько не гениальная поэма. Поборники нового увидели в ней колоссальное произведение и долго после этого величали они Пушкина забавным титулом певца Руслана и Людмилы). Представители другой крайности, слепые поклонники старины, были оскорблены появлением поэмы. Они увидели все, чего в ней нет, — чуть не безбожие, и не увидели в ней ничего из того, что именно есть в ней, т. е. хороших звучных стихов, ума, эстетического вкуса и местами проблематика поэзии. (Это пишет авторитетный критик В. Г. Белинский в одной из своих поздних статей 1844 г.)

«Умному намек, глупому толчок», — говорят в народе. Один из «толчков», вызванных намеком, Пушкин увековечил в назидание потомкам в Предисловии: (Возможно просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писаную в подражание ЕРУСЛАНУ ЛАЗАРЕВИЧУ? Извольте же взглянуть в 15 и 16 номера «Сына Отечества». Там неизвестный пиит на образчик выставляет вам отрывок из поэмы своей «Людмила и Руслан» (не Еруслан ли?).

Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживает мужичка с ногой, и борода с локоть, придает ему еще бесконечные усы (С. От., стр 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую ГОЛОВУ, под которой лежит меч-кладенец; ГОЛОВА с ним разлагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от нянки моей; теперь, на старости, сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы выразить всю прелесть СТАРИННОГО нашего песенского, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

**...Шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородами!..
Каково?..**

**Объехал голову кругом
И стал ПРЕД НОСОМ молчаливо.
ЩЕКОТИТ ноздри копом.**

Картина, достойная Кириши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо ЧИХАЕТ... Вот, что говорит рыцарь:

**Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу...**

Потом витязь ударяет в ЩЕКУ тяжелой РУКАВИЦЕЙ... Но увольте меня от подробного описания, и позволите спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с боро-

А ПЕСНЯ — БЫЛЬ

дою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: ЗДОРОВО, РЕБЯТА! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появились между нами? Шутка груба не одобряемая вкусом просвященным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi (Я кончил: лат.)

Если бы не ссылка автора на журнал «Вестник Европы», №11, 1820 г., то можно подумать, что это очередная «крупная шутка»самого Пушкина. Уж очень точно она отражает наиболее вероятную реакцию современной фарлафовской критики на любые попытки раскодирования содержания поэмы с позицией общего хода вещей. И поэтому, видимо, пушкинское «Предисловие ко второму изданию поэмы» даже в академических изданиях советского периода отнесено в раздел «Из ранних редакций». «Ветренная молва» о поэме «добрых молодцев» — современников Пушкина — не способствовала завершению титанической работы по соразмерному взаимовложению красного склада русской сказки и красного склада русской были. Во времена подобных «гармонических забав» поэт подосознанием угадывал контуры будущего. Не надо забывать, что «орган богов» был все-таки человек, да к тому же еще и очень живой, а от роду ему было всего двадцать лет. И получается, что с одной стороны:

**Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...**

А с другой: «Молодо, зелено, погулять велено». Одно дело оберегать свой путь к вершине пирамиды понимания наставлениями о губительности страстей, другое — осознавать их как самое серьезное препятствие к исполнению своего предназначения.

... Жажда наслаждений лишает разум Различения и, превращая мозаичную картину мира в причудливый калейдоскоп ничем не связанных между собой случайностей, закрывает дорогу сознания к тайнам бытия.

**Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.**

Но осознание этого — залог победы над собой и своими страстями. Оно приходит к нему в суетном Петербурге, а в деревне:

**Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы**

**непосвященной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
ОРАКУЛЫ ВЕКОВ, ЗДЕСЬ ВОПРОШАЮ
ВАС!**

В уединеньи величаюм

Сильнее ваш отградный глас.

Он гонит лени сон угрюмый,

К трудам рождает жар во мне,

И ващи творческие думы

В душевной зреют глубине.

Без этих строк первой части хорошо известной «Деревни», написанной летом 1819 г. в Михайловском, не может быть понятна тайна творения не только последней песни, но и всей поэмы в целом.

... Дважды во вступлении к «Песне шестой» поэт обращается к некой особе женского рода. Она занимала воображение даже близких друзей Пушкина. «Обращение, видимо, относится к вымышленной особе», писал П. А. Плетнев, отвечая на вопросы Я. К. Гротга... Это писано вскоре по выходе из Лицея, когда поэту хотелось выдавать себя за счастливого влюбленного». (Примечания к «Песне шестой» ПСС А. С. Пушкина под редакцией П. О. Морозова, 1909 г., т. 3, с.610).

Здесь видна общая ошибка всех пушкинистов, отражающая их стремление опустить уровень понимания поэта до своего. Одним из первых этот процесс сознал историк В. О. Ключевский; «Русская интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалет о них, потому что вырастит другие листья». (В. О. Ключевский, «Афоризмы и мысли об истории», Издательство «Наука», 1968 г.) Н. А. Бердяев обратил внимание на особую роль в процессе А. С. Пушкина: «На петровские реформы русский народ ответил явлением Пушкина». Так Бердяев не только подтвердил мысль Ключевского, но и признал, что судьба Пушкина несколько иначе, чем судьба всей интеллигенции, связана с судьбой русского народа. Вопросать оракулы веков волен каждый, но ответ их вянут лишь живому органу богов. Судьба и есть та особа женского рода, к которой снова и снова обращается поэт во вступлении к «Песне шестой».

Ты, слушая мой легкий вздор,

С улыбки иногда дремала;

Но иногда свой нежный взор

Нежнее на певца бросала...

Принято считать, что «судьба руки вяжет, от судьбы не уйдешь». Согласно словарю В. И. Даля, судьба — провидение, определение божеское, законы и порядок вселенной с неизбежными, неминуемыми последствиями для каждого. В народном мировоззрении понимание роли судьбы шире: «Не рок слепой, премудрая судьба!»

Ветренная молва много болтала о суеверии Пушкина, выражавшемся в его интересе к тайнам личной судьбы. Немка Кирхгоф, предсказавшая смерть поэту от белой лошади или белого человека, появилась в его поле зрения в 1818 г., когда система образов поэмы и их место в глобальном историческом процессе были окончательно определены, а сама поэма шла к завершению. Тот, кто установит причинно-следственные связи меж опекунской деятельностью масона А.И. Тургенева, гаданием о судьбе поэта в изложении мадам

Кирхгоф и «мощным, мгновенным орудием провидения» в лице белобрысого Дантеса, тот раскроет действительную, а не мнимую тайну убийства Первого Поэта России.

Пушкин жил и творил в обществе с библейской логикой социального поведения, навязанной простому народу государственным институтами на уровне сознания, но отвергаемой им на уровне внутреннего сознания и подсознания. Тесно связанный с судьбой народа, внимательно прислушиваясь к его велениям, он посчитал своим долгом выражать своим творчеством понимание общего хода вещей народом. Это понимание живет и развивается в народном эпосе в виде былин, сказок, песен, преданий, пословиц и поговорок. Отсюда и систематизация образов поэмы, поверхностно воспринятая современниками Пушкина. Они жили по законам своего времени, а их понятие общего хода вещей не выходило за рамки библейской логики социального поведения.

Нам, живущим в конце XX века при формировании новой человеческой логики социального поведения, система образов «Руслана и Людмилы» понятна, близка и доступна. У нашего времени — свои трудности, связанные не только с ростом объема информации, но и с увеличением скорости обращения информации в обществе. Они могут быть преодолены лишь по мере освоения обществом методологии обращения с информацией. Система образов поэмы, отражающая народные представления об общем ходе вещей, — всего лишь основа для развития национальной культуры мышления в условиях формирования человеческой, а не толпо-«элитарной» логики социального поведения. Используя информационную базу нашего родного языка и систему образов поэмы, мы обязаны сверить результаты, полученные Черномором в ходе управления глобальным историческим процессом с образными ответами Пушкина на одну из загадок учебника истории под названием «Русский вопрос».

Примечания редакции «ТЛ». Публикуемый отрывок — фрагмент объемного материала, подготовленного Народным движением к Боедержавию (Изд. Москва, 1997), КОБР «Мертвая вода». В предисловии к изданию говорится: «Публикуемые материалы являются достоянием Русской культуры, по какой причине никто не обладает в отношении них персональными авторскими правами. В случае присвоения себе в установленном законом порядке авторских прав юридическим или физическим лицом, совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающимся в неприязненной «мистике», выходящей за пределы юриспруденции. Тем не менее, каждый желающий имеет полное право, исходя из свойственного ему понимания общественной пользы, копировать и тиражировать, в том числе с коммерческими целями, настоящие материалы в полном объеме или фрагментарно всеми доступными ему средствами...».

Федор Селиванов

Рене Декарт

Философский рассказ

По главной улице Девентера, небольшого городка на западе Нидерландов, в 1632 г. шел мужчина в зрелом возрасте. Он был среднего роста, во французском камзоле с большим белым воротником, на который опускались непослушные длинные черные волосы. Большие глаза, аккуратно подстриженные усы, крошечная борода клинышком. Был задумчив. Впрочем, ничего не отвлекало его от размышлений. Никто ему не встретился. Дома, что дома — такие же, как в других голландских городах.

Рене Декарт не первый год в Голландии и не в первый раз. Все ему нравилось здесь: и торжество знаний в жизни жителей, буквально создавших на песке Северного моря свою страну, ее технику, и свобода, которая не снилась французам, переносящим тяготы абсолютизма, и то что здесь отовсюду до моря было рукой подать.

Дорогу Рене показывал его слуга Луи. Это был не просто слуга, а друг и, можно сказать брат по оружию. Несколько лет назад, путешествуя, они плыли по морю. Он и Лут были единственными пассажирами маленького корабля, команда которого состояла всего из пяти человек. Капитан, долговязый мрачный человек, не надо-едал расспросами. И вот, когда Рене стоял на палубе, наблюдая жизнь моря и надеясь первым увидеть берег, он услышал странный разговор капитана и матросов по-голландски.

— Тише говорите, пассажир на палубе, — сказал кто-то.

— Не волнуйся. Он француз и не понимает по-нашему. Я разговаривал с ним по-французски.

Рене хорошо знал голландский язык. Команда состояла из пиратов. Они сговаривались напасть на пассажиров, ограбить и убить. Рене был изумлен: путешествие, которое началось в солнечный день без забот и печали, оборачивалось драмой. Но философ не был робким. Он не потерял присутствие духа, позвал слугу. Выхватив шпагу из ножен и увлекая за собой Луи с кинжалом в руке, Рене кинулся на пиратов. Нападение было столь неожиданным, что все застыли на месте, кроме капитана. Их шпаги скрестились. Декарт был искусным фехтовальщиком. Несколько ударов — и шпага капитана оказалась на дне моря. Команде было приказано пристать к берегу и высадить пассажиров...

— Сюда, — показал Луи на переулок. В конце его был сад, в глубине которого — небольшой дом. Жилище выбирал слуга. Он делал это не в первый раз. Его хозяин часто менял города. И везде он селился на окраине. Он искал уединения, тишины, приятного для глаз ландшафта. Поселялся в домах на отшибе, чтоб были сад, огород, и чтоб не было любопытных соседей, которые мешали бы его работе — размышлениям, экспериментам и наблюдениям. Выбор слуги Рене одобрил. Пошел взглянуть на окрестность и сразу заметил невдалеке ферму.

— Все — вселяемся. Перенести вещи с почты, потом сходи на ферму и договорись, чтобы нам каждый день приносили свежие овощи и фрукты. Не забудь прежде всего о свекле и цикории.

Следует здесь отметить, что философ воздерживался от употребления мяса и предпочитал, когда это было возможным, растительную пищу. Человечество пришло к такой практике лишь через три столетия.

Утром через два дня после вселения Декарт услышал голоса — Луи и какой-то женщины. Он был уже одет, хотя вставал поздно — любил поваляться в постели. Нет, не в дреме, а поразмышлять: в это утреннее время всегда приходили в голову новые идеи.

Женский голос манил, он был молодым и мелодичным. Он увидел женщину лет двадцати семи в синеватого оттенка платье из голландского полотна, в вязанных чулках и простых башмаках. На голове — беленький чепчик. Все в ней было просто, чисто, свежо. Она взяла из рук Луи корзину, в которой принесла овощи, и повернулась уходить.

— Подождите! — воскликнул Декарт, которого женщина только сейчас заметила. — Скажите свое имя.

— Меня зовут Еленой Янс, — ответила она без смущения и улыбки. Декарт увидел на ее щеках ямочки, милые, очаровательные. Позднее он скажет своему другу Шаню, послу Франции в Стокгольме:

— Я сразу утонул в этих ямочках.

Ему не хотелось отпускать женщину и он начал ее расспраши-

вать. Выяснилось, что она работает на ферме вот уже пятый год. Родителей нет — погибли во время пожара. Взял ее к себе хозяин фермы, родственник матери. Жених был, но его забодал расхрипевший бык, когда тот его загонял в стойло палкой. Жила до фермы с родителями в Девентере, там научилась счету, письму, чтению. Фламандка. Нет, французского языка не знает.

Наступила зима. Однажды вечером философ писал письмо в Париж своему другу ученому аббату Мерсенну. Всего он написал ему за двадцать лет жизни в Голландии 138 писем по научным проблемам.

Письмо получалось длинное, но конца его не было видно. Декарт заснул прямо за столом.

Он проснулся на рассвете в постели и не мог вспомнить, как перебрался в нее:

— Луи, наверное, помог.

Пытался заснуть, но безрезультатно. Вскочил с постели, оделся. После завтрака философ обычно обдумывал научные проблемы, записывал решения по-латыни или по-французски. Он занимался философией, математикой и физикой. И в каждой сделал открытия. Впрочем, не только в них. Он вошел, например, в историю физиологии. После обеда проводил опыты, шел на бойню за органами животных для анатомических исследований. Были дни, когда он уходил на берег моря к рыбакам за рыбой или на луг, в огород наблюдать жизнь растений и насекомых.

Сегодня ничего не шло на ум. Начал писать «Правила для руководства ума», но ничего не вышло. Декарт думал об Елене Янс, почему она не идет. Он восхищался ею все больше и больше. Она была такой непосредственной, естественной, натуральной. А философ любил все, что от природы, боготворил природу.

Когда Рене попытался однажды обнять и поцеловать Елену, она ловко выскользнула из его рук и звонко рассмеялась. Глаза ее заблестели. Декарт залюбовался женщиной, не мог отвести от нее глаз. Но не таков он был, чтобы отступить при первой неудаче. Он прижал к себе ее, обхватил ее стройный стан левой рукой, а правой сдвинул локон ее длинных волос, который закрывал губы, и начал ее страстно целовать. Елена отвечала на поцелуи сначала робко и слабо, а потом все сильнее и решительнее. И наконец они слились в жарком долгом поцелуе.

Елена стала прибегать на свидания вечерами. И пришел вечер, когда она предстала перед влюбленным во всем великолепии своей красоты. Философ смотрел на прекрасную шею, великолепную грудь, чудесные бедра.

— Я нашел способ выражать линии-параболы, гиперболы и другие — через уравнения. Но такое великолепие линий я бессилин описать даже с помощью математики, — успел поиронизировать над собой Рене.

Елена пошла к постели.

— Нет, нет, — закричал Декарт — Дай я еще на тебя погляжу.

Декарту было тридцать шесть лет, когда он впервые увидел Елену Янс. Он знал увлечения женщинами. Все они были из высшего света. Из-за чести одной парижанки, светской дамы, он даже дрался на дуэли. Противник был тоже умелым фехтовальщиком, но Рене превосходил его в быстроте и ловкости. Он в конце концов выбил шпагу из рук соперника, даровал ему жизнь и послал показаться даме вот таким — победенным, без оружия.

Дама, хотя и была внешне прелестной, но не интересовалась ничем, что выходило за пределы светских интриг и сплетен. Она зевала, когда Декарт рассказывал о своих путешествиях по Европе, она отворачивалась, когда он заводил разговор об открытиях Галилея. Она была равнодушной к проблемам просвещения, познания. У Декарта же все это было на первом месте.

Белокурая, с голубыми глазами фламандка произвела впечатление своим естественным поведением, лишенным жеманства и притворства. Да философ и чувствовал, что нравится Елене. Он знал, что недурен собой.

И вот Декарт ходил по комнатам дома, не в силах приняться за дело. Ходил и говорил себе:

— Без Елены я не могу. Но надо все обдумать и не поддаваться слепой страсти.

Декарт, конечно же, не знал в этот день, что потомки назовут его «отцом новой философии», а его философию — рационализмом. Рационализм возлагает все надежды на разум. Ясное и отчетливое мышление, считал философ, приведет непременно к истине, к разгадке всех загадок. Декарт подчинил свою жизнь велениям своего разума, четкому распорядку. Только на днях он говорил Ренери из Девентера, впоследствии профессору Утрехтского университета, преподававшему учение Декарта:

— Существовать — это мыслить. Я не могу представить себе другой жизни. Все подчинить разуму — вот мой жизненный принцип.

И вот теперь он не мог совладать с помощью разума своей страстью. Позднее Декарт опишет такие состояния в трактате «Страсти души». Умом он понимал, что Елена ему не пара: он знатный дворянин Франции, а она простая работница на ферме. Умом он понимал, что ему нужна помощница в научных изысканиях, без которых он не может жить, а Елена даже не знает латыни. Эта очаровательная женщина отвлекала его от умственных занятий, что печалью ложилось на его сердце, которое начинало чаще и сильнее биться, когда он думал о фламандке.

Не в силах преодолеть это противоречие, он и метался по дому.

Пришел Луи. Декарт к нему:

— Где Елена? Почему она сегодня не пришла? Я хочу расстаться с ней!

Луи как-то странно, осуждающе посмотрел на философа и сказал:

— Видел, что Елена идет к нам.

Действительно, вскоре она пришла. Декарт заметил, что она задумчива, лучезарной улыбки на ее лице не было.

— Мне надо поговорить с тобой, Рене.

— И мне тоже. Говори.

— Я беременна.

— Беременна? У меня будет ребенок?

— Да.

Все перевернулось в душе Декарта. Ребенок! Семья! Конец одиночеству!

— Луи! Идем на ферму за вещами Елены. Она переезжает к нам. О, прости, Елена! Тебя-то я забыл от радости спросить. Ты не против?

— Нет.

Годы, прожитые вместе с Еленой Янс, были самыми счастливыми в жизни мыслителя. Они были и самыми плодотворными. Оказалось, что сомнения Декарта были напрасными. Елена не только не мешала мужу, но и помогала. Она не помогала в разработке идей, но от общения с ней, от ее забот у Декарта вырастали крылья и вдохновение не покидало его.

Родилась прелестная дочь, которой дали французское имя — Франсина. Через два года, в 1637 г., Декарт снял дом в Сантпоорте, в окрестностях крупного города Гарлема (Гаарлема, как иногда пишут). Гарлем был расположен на севере Нидерландов и раскинулся на прекрасной по тем временам дороге Гаага — Амстердам.

Местоположение Гарлема было важным для философа, научные связи которого крепили год от года. В этом же году в Лейдене вышла в свет книга «Рассуждения о методе».

Все близкие люди знали, что у Декарта есть семья, есть дочь, которую он очень любил. Однажды Франсина заболела: у нее был жар, она плакала. Рене не доверил ее никому: ни Елене, ни няне. Он сам проносил ее всю ночь на руках и положил в кроватку только тогда, когда она, наконец, заснула. Официально оформить свои отношения с Еленой Янс, зарегистрировать брак с ней Декарт не спешил. Во Франции такие браки не поощрялись, но в свободной Голландии к ним относились терпимо. Я не думаю, что Рене Декарт стыдился своей семьи. Он не скрывал ее. Скорее всего он проявил легкомыслие.

Девочка подрастала. Отец заботился о ее образовании, о ее воспитании. Собирался переправить во Францию к родственникам, но в 1640 году умер отец Рене Декарта, а потом и сестра Жанна, на помощь которых в воспитании он рассчитывал. Кроме того, начались преследования Декарта за те идеи, которые он высказал в «Рассуждении о методе», в «Началах философии», в «Метафизических размышлениях» и в других книгах.

В 1649 году философ переехал в Швецию. Его пригласила королева Христина. Менее чем через год произошло событие, о котором я хочу подробно рассказать.

... Все переходит в свою противоположность. Все чрезмерное становится пороком. Декарт все, что делал, делал уверенно. А в эти дни он проявил такую самоуверенность и такую самонадеянность, что только диву даешься. Декарт говорил много раз в том числе и королеве Христине:

— Я проживу сто лет.

Режим, простая пища, правильность чередования труда и отдыха обеспечивали ему здоровье. Он ничем не болел. А тут ехал в посольской карете друга, французского дипломата Шаню в королевский дворец. Королева по утрам регулярно занималась философией. Рене Декарт проводил охотно эти занятия.

Зима была холодной, дорога длинной. Декарт мерз, одет был по-французски легко. И простудился.

«Подумаешь, простуда...» — думал философ, лежа в постели, весь в жару. И сообщил королеве, что через три дня занятия возобновятся.

Прошла неделя. Декарту становилось все хуже и хуже: воспаление легких в очень опасной форме. Все знающий философ лечил себя сам и оставался без профессиональной помощи. Он велел Луи сделать слабую табачную настойку из горячей воды, водки и вина. На седьмой день пришел присланный Христиной лекарь Вуллен, немец.

И что вы думаете? Декарт обрадовался и начал лечиться? Ничего подобного. Мудрец принял немца враждебно и ни один из его советов не принял. А когда Вуллен предложил пустить кровь, Декарт резко сказал:

— Французскую кровь надо беречь!

Девять дней болезни было достаточно, чтобы этот мыслитель, все подчинявший своему, как ему казалось, не ошибающемуся разуму, умер. Было четыре часа утра 11 февраля 1650 года, когда сердце его остановилось. Сообщение о его смерти все восприняли как дурную шутку. Он понял, что умирает лишь на девятый день болезни, но было поздно.

А в Сантпоорте ждала и ждала от него вестей Елена, Декарт не успел даже составить завещание. Он не дал жене и дочери свою фамилию. И человечество так и не смогло воздать должное ни жене, ни дочери великого человека. Они ушли в безвестность.

Великие люди бывают так глупы! Может я слишком сурово сужу Декарта! Нет, он мне многим близок по духу. Но его односторонность суждения, крайность в оценке разума я не могу принять. А его знаменитое «Мысль, следовательно, существую» я передал так: «Мысль, следовательно влачу жалкое существование».

г. Тюмень.

Гренадер Семен Новиков

Барабанщик. Гипс. Тон.

Только что Императрица Екатерина II успела посетить Крым, отошедший к России после первой мировой войны с Турцией, как турки начали вторую, чтобы отвоевать Крым и несколько оставшихся за русскими клочков земли на побережье Черного моря. Одним из таких клочков была песчаная Кинбурнская коса при входе в Днепровский лиман. В незадалго перед тем основанных Потемкиным при устье Днепра городах Николаеве и Херсоне строился военный флот для Черного моря. Поэтому-то, для охраны молодых верфей, на Кинбурнской косе и устроена была крепость с небольшим гарнизоном, но обстановка все-таки получилась беспокойная: как раз на другом берегу лимана, в четырех километрах, считая по воде, как и прежде, стояла большая турецкая крепость Очаков. Не нужно было и лазутчиков: русских петухов было слышно в Очакове, турецких в Кинбурне, а в подзорные трубы отлично было видно все, что творилось на низкой песчаной косе, и все, что творилось на высоком белостенном очаковском берегу. Пока длился мир, наблюдатели здесь и там только на ус мотали. Но вот французский король Людовик XV, вздумал подбить султана на войну с Россией и прислал ему своих офицеров, а русского посла Булгакова посадили в семибашенный замок и к Очакову двинули флот с десантным отрядом, что-

бы Кинбурн взять, а русские верфи сжечь. Это случилось в сентябре 1787 года.

Гарнизон Кинбурна был мал, — всего полторы тысячи, но турки знали, что охраной всего побережья лимана от Кинбурна до Херсона ведал генерал-аншеф Суворов. Поэтому десантный шеститысячный отряд был набран из отборных янычар, а во главе его стояли французские военные инженеры. Кроме того, человек пятьдесят дервишей, чрезвычайно фанатичных, тоже вошли в состав отряда, чтобы взвинчивать янычар.

Генерал-аншеф в те времена был чин равный полному генералу, — выше его в армии тогда был только фельдмаршал, и все-таки под начальством Суворова на окраине важнейшего участка, было не свыше четырех тысяч человек — пехоты, кавалерии, казаков, — и большая часть их стояла вдоль лимана, в который всегда могли прорваться турки.

1 октября, в день Покрова, турки начали высадку десанта, а их суда выстроились в море; мелкие — канонерские лодки и шебеки ближе к берегу, крупные фрегаты и корветы — дальше.

Суворов подсчитал, что с этих судов будут палить не меньше как пятьсот орудий по его войскам, если он пустит их навстречу янычарам, и на марше побьют из них половину. Поэтому он решил ждать, послав только казаков к ближайшему, верст за тридцать, своему отряду — батальону Муромского полка, чтобы немедленно шел на помощь.

Турки же действовали быстро и умело: со своих фрегатов они высаживались вне выстрелов крепостных стен, однако, тут же, по указке французских инженеров, начали рыть окопы и укреплять их мешками с песком.

Пятнадцать рядов таких окопов было сделано ими раньше, чем повели их, наконец, на штурм. Таца штурмовые лестницы, они решительно шли, явно уверенные в успехе.

У Суворова было три неполных полка: Шлиссельбургский, Орловский, Козловский, и в первом из них, в пятой (гренадерской) роте, служил рядовой Семен Новиков, самый обыкновенный с виду, ничем не бросающийся в глаза. Верхом объехал Суворов выведенный им для отпора туркам гарнизон. Перед пятой ротой шлиссельбуржцев остановился, оглядел всех.

— Помилуй Бог, молодцы какие, — сказал он. — Чудо-молодцы! Богатыри!

И вдруг воззрился на Новикова, у которого на штывке желтел жолнерский флажок, и крикнул сердито:

— Жолнер, штывк выше!

Новиков тут же дернул ружье вверх, а приклад прижал к левому боку и впился своими серыми пензенскими глазами в светлые, голубоватые глаза Суворова.

— Как фамилия? — спросил Суворов, будто бы еще в «сердцах».

— Новиков Семен, ваше высокопревосходительство! — гаркнул жолнер.

— Ну, что, Новиков, распатроним сей-

ИЗ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

час турок? — спросил Суворов, сдерживая лошадь.

— Как вы теперь с нами, по первое число всыпем, — радостно отчеканил Новиков.

Суворов полузакрыв глаза, усмехнулся, поправил свою шляпу, подтянулся в седле и поскакал вдоль фронта; было время вступить в дело артиллерии крепости, нужно было дать сигнал к первому залпу по авангарду наступающих, и Суворов дал этот сигнал, — взмахнул платком. Загремели орудия левого фаса крепости, в ясный, до того погожий теплый день, ворвались клубы порохового дыма, и бригадный генерал Рек повел в контратаку два своих полка — Орловский и Козловский. Шлиссельбургский с Суворовым оставался в резерве. Прокатилось по желтой песчаной равнине «ура» и «алла», начался рукопашный бой. Ближе придвинулись к берегу шебеки и канонерские лодки, корветы и фрегаты: то, что было задумано в Константинополе и Париже, воплощалось здесь.

Отчаянно дрались янычары. Им было сказано, что если они побегут назад, их все равно не примут на транспорты, а фелюги, доставившие их на берег, отошли к большим судам. Суворов смотрел не отрываясь. Он стоял перед фронтом шлиссельбуржцев, и Новиков видел его сухую спину и зеленую с прижатыми полями шляпу над ней, и каждый момент ждал, — вот он повернется к нему, Новикову Семену, и крикнет: — Вперед... Ноги уже сами все будто срывались с топкого песка, и пальцы, зажавшие приклад, занемели от напряжения. Янычары поддавались все-таки, но наши уже тащили оттуда раненого генерала Река, тащили майора Орловского полка Булгакова. Раненые солдаты толпами шли, ковыляя, сами, а на подмогу авангарду турок двигались главные силы. И Новиков услышал суворовское «Вперед», и полк под барабаны и горны пошел в атаку. Но только что каких-нибудь двести шагов оставались до своих, как заработали турецкие орудия, как загрохотало море, и зыбким, как море, стал песок под ногами. И вдруг Новиков увидел, как впереди его, взбрыкнув ногами, повалилась вперед лошадь Суворова, — это каменное ядро, — оторвало ей голову. Все бежали вперед около Новикова, когда он, склоняясь над Суворовым, выпрастал из-под лошади его правую ногу. Дальше потом, оба кричали «ура», они бежали рядом: генерал-аншеф Суворов и гренадер Новиков с своим желтым флажком на штывке.

Наконец добежали до свалки, и Суворов искал глазами в дыму, нет ли где офицеров верхом, чтобы взять лошадь, и как раз увидел двух, как ему показалось, казаков, державших офицерских, — и как будто даже знакомых глазам, — лошадей под уздцы. — Эй, вы вороны... Лошадь мне давай, лошадь, — кричал, подбегая к ним, Суворов. Однако, хотя лошади-то и были знакомые, офицерские, но держали их не казаки, а янычары. Они переглянулись, мигнули друг другу и с саблями наголо бросились на русского

генерала, оставив пока лошадей. Отбиваясь от них саблями, Суворов только крикнул назад: — Новиков, ко мне! — как тот отозвался радостно: — Здесь Новиков! — и в живот первого янычара всадил свой штык вместе с флажком, а второго угодил в шею насквозь. Суворов же, не теряя ни секунды, схватил за повод одну из лошадей, вскочил на нее и вот уже он снова управляет боем... Видя перед собой Суворова, наши нажали с новой силой, и янычары стремительно начали отступать к своим ложе-ментам. Не помогли ни французские инженеры, бросившие турок в самый разгар боя, ни дервиши, из которых большая часть была перебита.

Но в запасе на транспорте были еще свежие силы и, когда высадили их, ложементы были снова отбиты у русских. В пылу боя песком засыпало глаза Суворову. Пока он протирал их, то почувствовал, что ранен в бок, и упал без чувств, свалившись с коня. Теперь не успел он крикнуть: — Новиков, ко мне. — Однако Новиков не отставал от него в бою, кипевшем кругом: ведь ускакать Суворов от него не мог, — некуда было скакать. Как помочь генералу, он не знал, — не знал даже, жив ли он... Уперев приклад ружья в песок и выставив штык, Новиков только глядел, чтобы никто не задавил Суворова, — ни свои, ни чужие. Но вот поддались турки, — чище стало кругом, — и вдруг поднял голову Суворов: — Новиков? — Так точно! — Подсади на лошадь. — Оглянулся Новиков, — лошади не было. Тогда он поднял Суворова, как сноп, и потащил в тыл.

Бой за Кинбурн оказался самым жестоким из всех, в каких до того участвовал Суворов. Только подоспевший батальон Муромского полка, — это было уже в темноте, близко к полночи, принес с собой и полную победу. Десантный шеститысячный отряд был истреблен почти весь. Несколько сот, оставшихся в живых, были загнаны в лиман и там, на мелком месте, стояли по пояс в воде и кричали «аман». Фелюги к ним подошли только утром.

Суворов, раненный в бок, только промыл рану морской водой и сам повел Муромцев, но получил новую рану в руку около плеча — пулей навyleт. Однако на этот раз Новикова возле него не было. Его не оказалось и в жиденьком строю на другое утро, — он пропал в последнем бою, ночью. Только на другой день разыскали его среди тяжело раненых. Он не был забыт Суворовым: в его донесении о бое под Кинбурном внесен и Новиков Семен.

Несколько позже Новиков получил серебряную медаль на георгиевской ленте. А через 125 лет после знаменитого боя — в 1912 году, в списки 15-го пехотного шлиссельбургского полка вписали имя спасителя Суворова рядового **НОВИКОВА СЕМЕНА**, как одно из бес- смертных русских имен.

Перепечатано из сборника «Военная библиотека № 1», издание ОКО в Аргентине. Автор, к сожалению, не назван.

Фиридун Рагим

Вырос я в глухом селе Азербайджана, следовательно, я азербайджанец. Там, на родине, учился в ВУЗах, работал журналистом, в разных общественных структурах. На родине вышли в свет несколько поэтических сборников. Теперь это прошлое...

Сейчас живу в городе Ханты-Мансийске. Около полутора лет работал в телерадиокомпании «Югория» корреспондентом. Собрал много материалов о городе, округе, написал книгу, посвятив ее 360-летию Ханты-Мансийска. Переводил много местных поэтов и прозаиков, как умерших, так и живущих. Но печататься не удалось. Губернатор округа А. Филипенко дал добро, но по разным причинам не нашлись деньги на издания моих книг. Что же делать с этими рукописями? Сжечь или сохранить? Если сохранить, то — где? Я почти каждый месяц переселяюсь с одного места на другое, нет постоянной крыши над головой, даже в общежитии.

В 1998 году исполняется мне 50 лет. Без публикаций, без книг — какой же юбилей? Я член Союза писателей России, состою на учете в окружной писательской организации, но на издания книг нет уже надежды.

О моем переводчике. Вячеслав Аскеров великолепный человек и поэт. Почитайте, может и вам понравятся его переводы.

Надгробия

I

Я к могильному камню
иду не спеша,
Вязнут ноги в песках,
замирает душа.

А на камне
арабскую вязью
строка, —
Как последний знак жизни,
ушедший в века.

Кто под ним?!
Соплеменник или враг?..
Да, не важно кто там,
погруженный во мрак.
Я ведь тоже там буду
и узнает Аллах —
Лягу строчкой последней
в надгробных стихах.

2

Надгробия, как маленькие скалы:
Они безмолвны и усталы.
Как скорбен он и как велик —
Надгробия окаменевший лик!
Вы чей, скажите, безмятежный сон
Храните? Кто в песках здесь погружен,
И чье тут тайное укрылось бремя?
Вы, может, сторожите Время?!

Когда обретешь свой голос

Поэт в изгнании — поэт,
Как птица над просторами чужими:
Полет не тот и песен нет.
И нет того, чем дорожил ты.
Поэт в изгнании — поэт,
Как птица, пусть хоть в райской чаще,
И солнца свет не тот уж свет,
И голос песни той — хрипящий.

Поэт в изгнании — поэт..
Когда же, Фиридун, вновь обретешь
свой голос?..
Когда на склоне судных лет
Вернешь себя в свой судный образ.

Я — не дошедшее до вас письмо

Айгюн, Ровшан, родные мои дети,
Уж не отец я вам — закат я на рассвете.
Я море слез, далекое от вас,
И конь буланный мой уж не Пегас.
Я — не дошедшее до вас письмо,
Я — лодка, потерявшая весло,

Я от себя давным-давно в бегах..
Когда вернусь — не ведает Аллах.
И на груди змея лежит клубком,
Среди своих всегда был чужаком,
Я в вечность ухожу мельком,
Чужим прикрывшись пиджаком.

К жене

Смысл жизни моей, ты Сольми!
Не только прости, но пойми —
На плечи мне давит груз
Обычных житейских обуз.

Ты так далеко от меня,
Что мне не хватает огня..
Из глаз своих искру зажгу
И все же тебя я найду.

Прости мне — я только поэт, —
У нас окончания нет, —
А все продолжение дня
В Сольми, дорогая моя!

Недругам

Вы строки мои забивали камнями,
Топтали ногами, но я не согнулся,
И тайно перо мое пело ночами;
Зачем ты, Аллах, от меня отвернулся?!
Ужель испытанием новым ретшил ты
Проверить на твердость душу поэта? —
Суровыми нитками-нервами сшита
Она. А песнь до конца не допета.
Вы строки мои забивали камнями:
Удар за ударом, сильней и больней,
День ночью сменялся, ночь следом за
днями..
Правду убить? Нет! Не хватит камней.

Осень в Югре

Как короток уж день,
Югра погружается в осень.
Лесам и урманам как будто бы лень
Одеться в зимнюю просину.

Да будет пусть снег,
Как белый мой слог
И ветер в лицо,
И мой след на снегу.

Но видит все Бог,
Но видит все Бог,
Что я от Югры
Сбежать не смогу.

Перевел В. Аскеров

От редакции: Публикуя письмо и стихи нашего коллеги по перу из Ханты-Мансийска, «Тюмень литературная» от души поздравляет Фиридуна Рагима с 50-летием, желает одолеть ему невзгоды, желает крепости духа, успехов.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ БЛОКНОТЫ

Писательский блокнот — волшебный сундучок с двойным дном. Все, что покоится в нем до первого дна, все не раз прополоскано, выжато и прожжено, высушено и на ста ситах провеяно, став документальной канвой романов, очерков, пьес.

Но в редкостном блокноте-сундучке есть и второе дно. В потайном междонном пространстве, ожидая востребования, покоятся нетронутые пласты наблюдений и раздумий. Бывает, эти тайные сбережения остаются нетронутыми, и вместе с самим писателем уплывают в небытие. Грустно, но не удивительно: писатель не только норовит все время шагать в ногу с жизнью, но и стремится забежать наперед, заглянуть в будущее, поразмышлять, порассуждать о нем — до воспоминаний ли тут?.. до раскопок ли в многолетних залежах волшебного сундучка?..

Наверное, потому многие годы не касался я старых блокнотов, не шелестел пожелтевшими страничками, не шарил в глухих закоулках своей памяти. Все силы души и разума уходило на постижение сиюминутного. Большие и малые события калейдоскопили вокруг, сливаясь в невероятную фантазмагорию.

И вдруг...

Как всегда, неожиданно...

Будто удар молнии в сухое смолистое дерево, от которого занимается неодолимый таежный пожар...

Это случилось в день выборов нашего областного губернатора.

На высоких крутых ступенях избирательного участка четверо возбужденных мужчин, дымя сигаретами, энергично жестикулируют и, похоже, выясняют отношения.

— Чего не поделили, мужики? — спрашиваю, подойдя.

— Власть! — жестко и громко тут же откликнулся высокий бородастый мужчина.

— Да не мы, не мы делим, — поспешил пояснить стоящий рядом с бородачом. — Окружные губернаторы из тюменской упряжи выпрыгивают.

— Мы из Сургута, — вступил в разговор еще один. — Всю ночь на «жигуленке» тряслись, чтоб попеть проголосовать за губернатора. Округ-то не голосует. Не признает себя тюменской территорией...

«Значит, свершилось...» — болезненно заточало во мне. Конец области. Лиха беда начало... Теперь пойдет пластать по российским корням да устоям — развалится Россия...

И такая тоска накатила на меня, вмиг омертвила и мысли, и чувства. В голове и в сердце острой застрял, кровоточил и ныл один вопрос: «Как смогли?... Кто посмел?..»

Оказывается, и смогли. И посмели.

И рука не дрогнула. И голос не осип, когда затрубили на весь свет о независимости от Тюмени и выходе из Тюменской области.

Подогретые и обласканные столичными газпромовскими акулами, ямальские думцы дружно и громко возопили:

— Нам область не нужна! Мы хозяева этой земли! Газ — наша собственность! Мы открыли... Мы добываем... Мы!.. Мы!.. Мы!..

И от всемирно известной, крупнейшей в России Тюменской области оттяпали ямальский «кусочек», величиной в полторы Франции, «кусочек», где добывается 90 процентов природного газа России.

Пригретые и приласканные столичными нефтяными китами, ханты-мансийские думцы столь же дружно и так же громко возвестили миру:

— Не признаем Тюмени! Мы — хозяева Югорской земли. Лес — наш!.. Реки — наши!.. Нефть — наша! Мы открыли... Мы добыли... Мы!.. Мы!..

И от всемирно известной, крупнейшей в России Тюменской области отпластнули югорский «кусочек» равный Франции, «кусочек», где добывается две трети российской нефти.

Затрещала, захрустела, разваливаясь на части наша могучейшая область, зашаталась матушка Россия.

«Не может быть!.. Немыслимо такое!..» — гудело во мне набатом, жгло душу, туманило разум.

А из Салехарда гремело:

— Никаких областей!.. Сами станем торговать... Сами будемживать!.. Сами... Сами... Сами!..

А из Ханты-Мансийской неслось:

— Слыхом не слышали, видом не видали, звать не знаем никакой Тюмени... Сами добываем. Сами торгуем. Сами барыши в свой карман... Сами... Сами... Сами!..

Сами с усами. Все сами.

Насчет усов не спорю. А вот насчет всего прочего... В минуты душевной невзгоды рука сама тянется к книге. На моем письменном столе всегда лежит несколько любимых книг. Стихотворения Есенина, Маяковского, Хайяма. Здесь же «Басни» И. А. Крылова. Сколько в них неувядаемого остроумия и мудрости. Многие помню наизусть. Среди самых любимых басня «Листы и корни» — о глухих листьях, которые громкогласно «хвалились густотой, зеленостью своей... Не правда ли, что мы краса долины всей? Что нами дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво? Что б было в нем без нас?..»

Корни дерева не выдержали бахвальства жирующей на них листвы, и пояснили пустозвоном: «Мы Корни дерева, на коем вы цветете. Красуйтесь в добрый час! Да только помните ту разницу меж нас, что с новою весной лист только народится. А если корень иссушится, — не станет дерева, ни вас.»

Есть у Ивана Андреевича Крылова на эту тему и пожестче, покруче басни. Мне очень нравится великолепная, хотя и злая, басня «Свинья под дубом». Помню, как-то, выступая на областном идеологическом активе, прочел эту басню, вызвав бурные восторженные аплодисменты огромного зала. Это классика, потому всегда современна. Помните?..

Свинья под Дубом вековым

Наелась желудей досыта, до отвала;

Наевшись, выспалась под ним.

Потом, глаза продравши, встала

И рылом подрывать у Дуба корни стала.

«Ведь это дереву вредит, —

Ей с Дубу Ворон говорит, —

Коль корни обнажишь, оно посохнуть может».

«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —

Ничуть меня то не тревожит;

В нем проку мало вижу я;

Хоть век его не будь, ничуть не пожалео;

Лишь были б желуды: ведь я от них жирею...»

Чиновникам всех рангов, особенно заглавным, губернаторам, хоть и окружным, надо крепко дружить с русской классической литературой, почаще заглядывать в сочинения А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского и иных мастеров изящной словесности. Там кладезь мудрости, пригодной на все случаи жизни...

Ну, это так, к слову, на всякий случай. Узелок на память, посошок в дорогу.

Нашупают ли этот узелок, обопрутса ли на этот посох высокопоставленные господа, восседающие на окружных олимпах? — неведомо. А время не терпит. Область рушится. Россия на грани развала. И как за спасительную соломинку хватаюсь я за старые блокноты...

1

«19 декабря 1963, г. Сургут.

Дома и домишки волчьей стаей скатываются с некрутого увала к Оби. От первозданной сияющей белизны рябит в глазах. Как слепые кутята в проруби, барахтаются в снегу дома. Иные — по макушку. Бесследно сгнули в сугробах огородные заплоты. Белый покров земли сверкает ночью и днем. Дымовые столбы подперли до дрожи промороженные облака...

Седые от куржак лошади легко катят дровни и кошевки. На лошадиных мордах гирлянды разномерных сосуллек.

Снег под валенками смачно похрустывает, повизгивает, похрюкивает. Мороз обдаёт лицо холодным жаром, пробирается в перчатки. Не хочешь, а трусишь... Вот это настоящая сибирская зима. Кондовая. По-черному...

Подле «мыр-лавки» несколько оленьих упряжек. Тонконогие стройные олени понуро стоят, поджидая застрявших в магазине хозяев. Потеряв надежду дожидаться, они один за одним, будто по команде, укладываются на снег. Смотреть-то на них, прикипевших к снегу, зябко. А им, видать покойно, как и тому бурому, лохмотому псине, что валяжно растянулся на высоченном сугробе, положив умную морду на вытянутые передние лапы...

Гостиница в древнем, матером, скатанном из могучих бревен, доме. Двери, лавки, полы, печи — все кондово прочное, на века. Со временем однако, никому не побояться, и этот могучейший домина под тяжестью прожитых лет приметно накренился, сгорбился, что отчетливо видно по наклонным скользким, недавно выкрашенным половицам.

За окнами — кусучий злой морозьяка, шалый пронизывающий ветер, а в гостинице — ласковое тепло, горячий крепкий чай, табачный аромат, негромкие разговоры из души в душу...

Зачем занесло меня в заснеженный, завьюженный, до печенок промороженный, тогда еще безвестный Сургут, отсюда в Усть-Балык? «За туманом и за запахом тайги». За живой, ненадуманной, подлинной романтикой, носителями и охранителями которой были тюменские геологи. Потому мой журнальный очерк об этой поездке назывался «В краю романтиков»...

Еле слышно похрустывают переворачиваемые блокнотные странички. Торопливый ищущий взгляд натывается на эту запись о геологах...

«Вряд ли есть иная профессия, в коей так же органично сплелись, срослись романтика и труд, риск и расчет, работа и подвиг.

Трогательное, надежное геологическое братство сродни братству фронтовому. Оно, это братство, передается из поколения к поколению, оно зародилось, вызрело и закалилось в бесконечных скитаниях по нехоженным делям и топям, в палаточно-балочном неуюте, в тяжком артельном труде. Геологическое братство пропитано дымом дешевых сигарет и бивачных костров, проспиртовано, заморожено, прокалено и обуто со всех четырех сторон, воспето в самодельных песнях и стихах, с материнским молоком входит в плоть и кровь человека, и живет в нем до гробовой доски...

Геологи умеют подтрунивать и смеяться над собой, легко забывают и прощают обиды. Они не стыдятся слез, не носят камней за пазухой. Не помнят зла, творят добро без понуждений и не за счет состраха или профюма. Скитальческая жизнь, вечное балансирование меж успехом и неудачей сделали геолога равнодушным, подчас безразличным к уюту и комфорту, научили с улыбкой встречать свои и чужие невзгоды, за что кое-кто и объявил первопроходцев циниками, нигилистами, снобами и много таких, похожих ярлыков напледали правильные ортодоксы на геологические энцефалитки и штормовки...»

В моих блокнотах десятки фамилий блистательных сынов неукротимого и всемогущего племени геологов. Их целое созвездие. И первой, самой яркой, самой трепетной и волнующей звездой в том фантастическом геологическом созвездии является звезда Виктора Васильева.

Вот кого можно по праву назвать человеком-легендой.

Виктор Васильев — самый первый начальник самой первой нефтеразведочной экспедиции, сделавшей первый шаг к нефтяным кладам Западной Сибири. По непролазным болотным топям, сквозь непроходимые чащи и буреломы, на своих двоих, с тяжеленными рюкзаками за спиной, в 1934-35 годах они обшарили среднее Приобье. Строили бревенчатые буровые вышки. Вручную бурили. Промерзали. Промокали. Тонули. Но собрали доказательства правоты Губкинской гипотезы о наличии нефтяных залежей в Западно-Сибирской низменности. Составленная Васильевым карта предполагаемых нефтяных месторождений, его геологические отчеты и теоретические труды стали подлинным путеводителем для новых поколений геологов-нефтеразведчиков, чей многолетний подвиг-труд увенчался открытием века, подарившем стране мощнейший в мире Тюменский топливно-энергетический комплекс...

Огни и воды прошел геолог Виктор Васильев, а вот медные трубы не одолел.

23 апреля 1973 года в Московском Центральном Доме работников искусств состоялась встреча актеров столицы с героями-первооткрывателями тюменской нефти и газа. Я вел эту встречу, был заглавным выступающим. Со мной на сцене находились Василий Подшибякин, Борис Леванов, Николай Дунаев и Виктор Васильев.

Естественно, первое слово я предоставил первому начальнику первой нефтеразведочной экспедиции в Сибири. Васильев резво вскопал, стремительно подошел к микрофону. Раскаленным волнением голосом громко выкрикнул:

— Товарищи!.. Ведь мы тогда... были молодыми...

Покачнулся.

Невесомо и мягко повалился на сцену.

И умер...

Сколько их, именитых и безымянных, прославленных героев и рядовых блистательной сибирской геологической когорты, сколько их зарыто в шар земной вдоль проторенной ими тяжкой и горькой, но все-таки триумфальной и победной дороги к нашей тюменской нефти, дороги длиною в пятьдесят лет. Ведь первую пробу на нефть из реки Юган взяли еще в 1911 году.

Вот бы и поднять из небытия весь геологический легион, причастный к величайшему открытию двадцатого века — сибирским нефтяным и газовым кладам. Поднять и спросить: думали ли они, что их великий подвиг, их непоказной подлинный героизм прораствут великой бедой, грозящей развалом России?.. Думали ли они, что их непрестанным тяжелейшим трудом, их невероятными лишениями и невосполнимыми жертвами открытые нефтяные и газовые клады Сибири из общесоюзного, общенародного достояния вдруг превратятся во владения Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, которые в этих открытиях сыграли заметную, малозначимую, вспомогательную роль?..

Три поколения геологов, не щадя себя, искали нефть и газ в Сибири во имя того, чтобы лучше жилось всем советским людям, чтоб могучей и богаче была Советская держава. Кто ж посмел заземлить, смазать историческое, общегосударственное значение высочайшего подвига многих тысяч первопроходцев, низведя его результаты до местнических, корыстных интересов двух территорий, недавно самостийно вырвавшихся из-под тюменского крыла?..

2

«26 мая 1964, г. Усть-Балык.

Прошлой осенью здесь была огромнейшая болотистая равнина, ломаным полукругом пристывшая к Юганской Оби. Сейчас болотину не узнать. Шеренга высоченных серебристых баков. Во все стороны змеятся от них трубы. К бакам от временного с еще не высохшей краской причала узенькие деревянные мосточки. А прямо перед причалом наспех сколоченная досчатая трибуна, перепоясанная красным кумачом, на котором метровыми буквами «Тюменская нефть — Родине!»

От места приводнения нашего гидросамолетика добирались сюда на тяжелом тягаче. Гусеницы тягача еле высовывались из глубокой колеи, заполненной жидким грязевым месивом.

Как же смогли геологи здешней экспедиции и горстка работников едва провозглашенного нефтегазодобывающего объединения, как смогли они за одну минувшую зиму построить причал и нефтехранилище, связать его трубопроводом со скважинами, и сделать еще многое, чтобы необитаемая, непроходимая болотина превратилась в промысел.

Ни дорог.

Ни материалов.

Ни специалистов.

Ни электроэнергии...

Ни-че-го!..

И все-таки смогли, сделали.

Из расспросов участников события вырисовывается такая картина...

Тяжелые самолеты, садясь на обский лед, перли и перли сюда трубы. Их тут же подхватывали вертолеты и растаскивали по трассам будущих трубопроводов. Самые могучие тягачи-вездеходы АТТ тараном пробивали дороги в вековой тайге, но намертво вязли в непромерзших топях болот.

Стужа высушила воздух до звона. От лютых морозов крошились стальные зубья экскаваторов, рассыпались бульдозерные резцы, рвались на куски стальные трубы. Но осатаневшие люди работали. Крыли непечатно мороз, кляли нестойкую к холодам технику, костерили на чем свет неразворотливое начальство, а сами копали траншеи, клали лежневки, тянули электролинии, водоводы и нефтепроводы. И в этом яростном труде разноплеменная, всевозрастная, одичавшая от бродяжьего быта толпа превращалась в лихую, дружную рабочую артель, где все — за одного, а дело — всего важнее.

Жили восьмером, а то и вдесятером в одном допотопном вагончике-балке, только что гвозди не ели.

И вот 26 мая 1964 года по еще не очистившейся ото льда Оби пробилась сюда первая наливная баржа, по горлышко накачалась гремучей черной жидкостью и отплыла...

Этот ветренный промозглый майский день многие не забу-

дут никогда. Геологи слетелись сюда со всей Сибири. Долгих полвека по урманам и топям пробивались они к этой великой победе. Обветренные сплюгосые мужики плакали, припав щекой к похуже на слоновый хобот гофрированному рукаву, по которому хлестала нефть в баржу. В самый разгар праздника сыпанул дождина, но его не приметили ликующие люди.

На два года раньше установленного Правительством срока. На голом месте. Без жилья и дорог. Нахрапом выдрали из недр сибирских первый ковш тюменской нефти.. Началось!..»

Шуршат, тихонько похрустывают блокнотные листки. Захватанные замусоленные, со следами растаявшей снежинки либо дождевой капли, с линялыми чернильными строчками или полустершимися карандашными (на морозе шариковые ручки мертвы). Эти забытые, дешевые записные книжицы под завязку туго набиты цифрами.

В 1964 г. добыто 209000 тонн тюменской нефти.

В 1970 г. — 28 миллионов тонн.

В 1975 г. — 148 миллионов тонн.

В 1983 г. — один миллион тонн в сутки!

От двухсот тысяч тонн в год до одного миллиона тонн в сутки всего за двадцать лет. Такого ускорения, таких темпов мировая история не знала. А ведь в сутки кроме миллиона тонн нефти область добывала еще и миллиард кубометров природного газа.

Дивно ли, что Тюмень стала не только символом энергетической мощи Советского Союза, но и живым реальным воплощением нестигаемого мужества и подлинного героизма советского человека. Зачастили к тюменцам гости со всего мира. Слово ТЮМЕНЬ прижилось на страницах множества самых популярных журналов и газет Планеты.

Но этот триумф, этот всемирноисторический рекорд оплачен невероятно, немислимо дорогой ценой..

Даже видавших виды первопроходцев наш север поражал своей дикостью, глухостью, неприступностью. Новоявленные покорители «тюменской нефтяной целины» оказались неподготовленными к единоборству с неумолимо коварной и жестокой природной стихией. Они были неподготовлены ни морально, ни физически, ни технически, ни организационно. Не было морозостойкой болотопроходимой техники. Не было сносного жилья, где можно укрыться от лютых стуж и пронзительных ветров. Не было нужной спецодежды, в которой верховой мог бы простоять восемь часов на сорокаметровой высоте в пятидесятиградусный мороз, а электросварщик пролежать эти часы на снегу, сваривая трубопровод. Не было ни методики, ни научно обоснованной стратегии этого воистину великого беспрецедентного поединка Человека с суровой и коварной Природой Севера, где «сто верст — не расстояние, сорок градусов — не мороз». Первым приходилось на ощупь, наугад, методом проб и ошибок, искать самые эффективные пути освоения нефтяных и газовых месторождений.

Два десятка блокнотов забыты самотлорскими записями. И не удивительно: Самотлор — крупнейшее нефтяное месторождение в стране, шестое — в мире. Это уникальное месторождение занимает полторы тысячи квадратных километров, а 1470 из них — болота. Да какие! Есть топи, и в пятидесятиградусные морозы не промерзают. Как строить на самотлорских болотах дороги? А буровые?..

Тихохонько шуршат блокнотные странички, воскрешая в памяти лица, разговоры, события. Строчки из писем и документов, пространные и краткие, как перестрелка, беседы, собственные наблюдения и впечатления. На добрую повесть достало бы материала о том, как заместитель начальника Главтюменьнефтегаза Михаил Николаевич Сафиуллин, начальник отдела вышкостроения глава Александр Никифорович Воевода и начальник Нижневартовского УБР Валентин Иванович Хлюпин, а с ним еще ватага буровиков да вышкостроителей — рабочих, инженеров, мастеров; как полгода бились они, отыскивая дешевый и надежный способ строительства буровых на Самотлоре.

Вот несколько записей из блокнота № 19..

«Как они радовались, когда построили первый буровой куст. Капитально и надежно построили. Вырыли в торфянике четырехметровой глубины котлован, засыпали его грунтом, и на этот «трон» вознесли буровую вышку.

После окончания монтажа, прямо там, на этом рукотворном острове залаянный торфом, перепачканный мазутом Сафиуллин произнес такую речь:

— Здорово поработали, мужики!.. Молодцы! Молодцы!.. Надежно.. Прочно.. Но!.. Дорого и долго! Все, что долго, хлопотно, дорого — в бурении не подходит. Надо найти такой метод, чтобы из дерьма — конфетку, быстро и без затрат..

Стали искать другой способ. Под второй экспериментальный куст соорудили лежневое основание. Под третий — ледовую подушку.

Тут откуда-то залетел представитель высокой науки и сходу предложил строить буровые на винтовых металлических сваях. По его словам и расчетам получалось просто и прочно. Поблагодарили, приняли идею и за дело. Кустарным способом, под открытым небом, изготовили винтовые сваи, придумали, как их завинчивать. Завинтили. Установили буровую. Не шелохнется. Но.. «подсчитали — прослезились». Очень дорого. Слишком хлопотно. Архимедленно. Не из чего готовить сваи. Нечем закупать. Нужны миллионы тонн металла, специальные заводы и механизмы.. Опять не получилась «конфетка».

Когда до основания вымотались, издергались, друг на друга спокойно смотреть не могли, Вася Шобухов предложил, казалось бы, примитивный способ: на промороженное болото — бревна, на них песок, потом на эту ледово-бревенчато-песчаную подушку — буровую вышку. Быстро, просто, дешево и надежно. Вот эту «шобуховскую конфетку» — шестую по счету! — и положили в карман самотлорские буровики..

Таким же путем «шей да пори» искали методику строительства дорог. Так же в походно-полевых условиях, вручную переделывали буровые установки, насосы, манифольдные линии, тяжеловесную габаритную технику — нет ей числа! — приспособив ее к местным природно-климатическим условиям. А над головой — вместо надежной крыши мятущиеся сполохи полярных сияний. И даже малого заветренного закуточка нет. Отогрел руки у костра, у паяльной лампы — и снова за зубило, за молоток. Любая железка «кусается». Руки ломотно не мнут, утрачивая чувствительность. На ледяном ветру залаянный мазутом и машинным маслом вагник становится панцирем. Порой кажется, даже внутренности заледенели и смерзлись..»

Я видел, как отставший вахту верховой, прежде чем приступить за ужин, выпивал дюжину стаканов огненно горячего чаю, чтобы согреться.

А в рождающемся городе либо в поселке промерзшего, валяющегося с ног от усталости рабочего ждал если не балок (деревянный либо железный вагончик) на восьмерых, так спеленная из обломков, огрызков, осколков насыпушка, а может и кумга (снятый с колес автомобильный кузов), даже землянка.

Попробуйте, хотя бы на миг, материализуйте в своем воображении эти «жилища двадцатого века». Представьте лютую пургу за стенами этой «кумги» или насыпушки. Ветер продирается в крохотное оконце. Трещат и попискивают, остывая на крепнущем морозе металлические стенки этих берлог. Малиново сверкает раскаленный донельзя электрический «козел» или самодельная железная печурка. А уснут люди, погаснет печурка и стены начнут белеть, покрываясь инеем, и влажные волосы примерзнут к железу..

Ну, представили?... Сопережили?.. Не получается? И не получится. Это недоступно воображению, такое можно постичь только своими боками..»

Выхватывая наугад блокнотную запись начала 1966 года: «В городе Нефтеюганске на 1 декабря 1965 года проживало более 11 тысяч человек, а жилья 25263 квадратных метров, по два квадрата на душу..» Не потому ли в УБР-1 принято на работу за 9 месяцев более двух с половиной тысяч человек, а к концу года осталось только 781, остальные уволились из-за отсутствия жилья».

А ведь за двадцатилетие победного восхождения к миллионному суточному пику в тундре и тайге построены десятки городов и поселков, проложены тысячи километров железных и бетонных дорог, трубопроводов, линий электропередач, построены порты, аэродромы, заводы и комбинаты — все это по той же методе, в тех же, мягко говоря, недопустимых условиях. Первобытные жилища, отсутствие самого необходимого: овощей, фруктов, молока, яиц, мяса или рыбы; дикая, непролазная грязь; бесконечные перебои со снабжением водой, теплом, электроэнергией; вопиющая нехватка детсадов, школ, больниц, столовых.. Под таким прессом неустроенности сломались тысячи и тысячи семей, человеческих судеб.

Неумолимое чудовищное черное колесо нефтегазовой колмаги прокатилось по головам, спинам и душам многих миллионов. Только за 1981-85 годы наш Север принял 2436400 человек, и лишь чуть более четверти из них, пройдя все круги первопроходческого ада, остались в области.

Неужто многие миллионы подлинных патриотов Родины жертвовали молодостью, здоровьем, семьями, детьми ради того только, чтобы обеспечить экономическую независимость и административный беспредел двум северным автономиям?.. Неужели отданная северу энергия сердца, ума и рук многих миллионов предназначалась не созиданию, а разрушению области и России?..

Нет, господа архитекторы передела-беспредела! Нет и нет! Создание Тюменского топливно-энергетического комплекса — бессмертный подвиг нашего народа во имя всенародного блага, ради укрепления могущества и целостности Державы.

4

Да, это был воистину всенародный подвиг, в котором стерлись, слинялись возрастные, национальные и иные грани. Это легко подтвердить, глянув на имена и фамилии, которыми переполнены мои старые блокноты. Тут и подростки, и юнцы, и прошедшие сквозь огни и воды. Озвучим несколько, наиболее именитых...

Василий Бахиллов... Леонид Кабаев... Владимир Абазаров... Геннадий Левин... Роман Кузоваткин... Александр Козлов... Иван Дорошенко... Борис Дедук... Аркадий Бабларьян... Василий Рехвиашвили... Фарман Салманов... Абзалитдин Исянгулов... Сабит Ягофаров... Григорий Пикман... Иосиф Каролинский... Давид Светличный...

Чуете, какая яркая многонациональная палитра?

Как-то, будучи в Нижневартовске, я озадачился вопросом: представители каких национальностей осваивают легендарный Саяногорск? На стройках и промыслах, в управлениях и конторах, на заводах и в учреждениях, в школах и больницах трудились люди сорока семи национальностей!

Цифра 47 занимает половину блокнотного листка и обведена жирной чертой.

Такое же национальное разноцветье сложилось из марок, получаемых Саяногорском машин, механизмов, материалов. Каждая союзная республика поставляла сюда не автомобили, так краны, не трубы, так бетонные блоки, не... Словом, все, что было нужно для стремительного роста нефтяного Муромца.

Пожалуй, нигде так зримо, так графически четко и ярко не проступала интернациональная суть советского общества, как это было на тюменском нефтяном и газовом севере. Национальная принадлежность человека никак не влияла на его общественное положение, ни в коей мере не определяла отношение к нему товарищей по труду.

Как-то, находясь в буровой бригаде блистательного мастера Г. П. Еремина, я залюбовался работой молодого богатыря-помбуря.

Мастер подробно аттестовал рабочего. Не забыл сказать о том, что у парня есть невеста и скоро свадьба.

— Сибиряк? — спрашиваю.

— По-моему... н-нет... замаялся мастер.

— Русский?

Еремин наморщил лоб. Почесал за ухом. Покрякал смущенно. Потом:

— Черт его знает... Но парень лихой, работяга отменный.

Свой в доску... — Улыбнулся. Озорно подмигнул. — Для нас главное, каков в деле, крепок ли в дружбе, чист ли душой... С любым из своей бригады я пойду в разведку...

И странно, и дивно мне, что ныне, два десятилетия спустя, находятся люди, и не рядовые, руководящие деятели, которые пытаются брэнчать на давно вроде бы заржавелой национальной струне, громоглася:

«Ямало-Ненецкий округ — владения ненецкого народа. И только он волен распоряжаться богатствами недр этой земли... «Югорская земля — владения ханты и манси, и лишь они вправе распоряжаться природными богатствами своей земли...»

Я с величайшим почтением отношусь к гордому, свободолюбивому, мудрому ненецкому народу. Только благодаря его энергии и трудолюбию бескрайняя северная пустыня — тундра не одичала, не стала враждебной человеку.

Но... Во-первых, ненцев в огромном округе всего 23 тысячи человек.

Во-вторых, большинство из них — кочевники, живущие своей, обособленной, кочевой жизнью.

В третьих, и это самое главное, никаких дополнительных благ эти «хозяева тундры» не получили от властей, провозгласивших округ независимым субъектом Федерации. Независимым, прежде всего, от Тюмени, от властных областных структур.

Примерно то же можно сказать и о положении ханты и

манси. Размахивая их флагом, прикрываясь их насущными интересами, властители Ханты-Мансийского округа отторгнули его от Тюмени.

Вот так, усилиями двух окружных автономий расколота на куски Тюменская область, положено начало развала России. Дурной пример — заразителен. Уже носятся в воздухе идеи создания Югорской республики со своим президентом. А наши-екатеринбургцы бредят выпуском собственной валюты.

Дурное дело — не хитрое.

Ломать — не строить.

А ведь главной пружиной начатого развала России являются все те же нефть и газ, которые геологи отыскали, а нефтяники и газовики добыли из сибирских недр не ради славы или наживы, а ради укрепления единства, усиления могучести и несокрушимости великой отчизны — Советской державы.

Конечно, приятно смотреть на молодого Ямальского губернатора Юрия Неелова. Небрежно распахнутый пиджак. Моднейший галстук. Широкая белозубая улыбка. Сколько достоинства и самоуверенности в осанке, позе, взгляде. Хорош губернатор и на портрете под сенью Петра Великого, и перед телекамерой: живое воплощение могущества и независимости Ямальской автономии, произросших на фантастических запасах природного газа, по воле Божьей оказавшихся на территории округа.

Действия окружных властей, направленные на раскол исторически сложившегося административно-территориального деления России усиленно и откровенно подогревают столичные газовые, а Югру — нефтяные, магнаты. Насколько могучи и властны их разрушительные силы, видно хотя бы из того, что два указа Президента России о единстве и неделимости Тюменской области нисколько не поколебали позиции руководства Ямала и Югры: жители обоих округов (а это более половины всего населения области) не участвовали в выборах областного губернатора. Окружные думы и губернаторы высказали этим свое полное неповиновение областной власти и абсолютную от нее независимость, о чем поспешил еще раз протрубить Ю. Неелов в своей двухминутной речи на инаугурации только что избранного губернатора Тюменской области.

Получаемые от продажи нашей нефти и газа, нефтяных и газовых месторождений, получаемые от этого торга миллионы долларов и триллионы рублей весело позвякивают, похрустывают в мощные автономий, раздувая, распалая чувства вседозволенности и всемогущества. Оттого и не таят они своих намерений, призывая:

— Закрывать Тюменскую область!

— Никакой Тюмени над нами!

5

Являясь формально административными центрами автономных округов, Салехард и Ханты-Мансийск все годы становления Тюменского топливно-энергетического комплекса пребывали в роли сторонних наблюдателей и регистраторов. Партийные и советские руководители обоих округов со всевозможных трибун громко и азартно вешали о великих открытиях, о героических свершениях геологов, нефтяников, газовиков и строителей, но практически не вмешивались в жизнь и работу этих подразделений и почти никак не влияли на разведку и освоение месторождений нефти и газа, на обустройство промыслов, строительство городов, дорог, заводов... на превращение глухоманного, вечномерзлотного, заболоченного края в могучейший индустриальный район страны и мира.

Это отчасти можно объяснить неудачным, на мой взгляд, географическим положением обеих окружных столиц, их удаленностью от нарождающихся промышленных центров, бездорожием, плохой связью и еще многими другими объективными причинами. Но ни доказывать, ни опровергать это теперь ни к чему: поезд ушел.

Кто?.. Что?.. Зачем?.. Почему?.. Оставим эти вопросы историкам. Сейчас для нас важно одно: душой и разумом величайшего открытия века, сердцем мощнейшего в мире нефтегазового региона была ТЮМЕНЬ.

В Тюмени четко и напряженно работали геологический главк и главк нефтяной, строительный главк и главк трубопроводный, управление строительством железных дорог и авиационное управление. И еще множество всевозможных объединений, контор, являющихся боевыми штабами бесчисленных рабочих подразделений, штурмующих приобские чащи и топи, продирающихся сквозь вековые буреломы и вечную

мерзлоту бескрайних тундр, чтобы побыстрее и побольше зачерпнуть тюменской нефти да тюменского газа.

Здесь, в Тюмени, решали, где ставить очередную нефтеразведочную буровую. Здесь, в Тюмени, определяли контуры вновь открытого нефтяного или газового месторождения.

Отсюда, из Тюмени, летели в Москву защищать в ГКЗ запасы новых месторождений.

Мозговыми центрами главков были десятки НИИ, расположенных в Тюмени. Они прорабатывали, просчитывали многие варианты освоения новых нефтяных или газовых месторождений. В Тюменских НИИ решали, как короче и дешевле проложить к месторождению дорогу и какую: ледовую, насыпную, лежневку или бетонку. Откуда и как протянуть водовод, ЛЭП и многое иное.

Здесь, в Тюмени, рождались трассы будущих нефте- и газопроводов. Намечались места будущих трассовых поселков. Решалась масса проблем быта трассовиков.

Тюмень получала, доставала, выбивала, выпрашивала установки, тягачи и кагера, автомобили и трактора, трубы и насосы, металл и химикаты и еще бесконечно многое, без чего в невиданно короткие сроки не поднять бы из болот нефтегазового исполина.

Тюмень дула в «медные трубы», на весь мир величая и прославляя героизм, мастерство и удаль первопроходцев.

Тюмень, ее обком и главки смиренно подставляли свои головы под тумачи и оплеухи Москвы. Принимали на свои плечи непосильные сверхчеловеческие нагрузки, на свои сердца незаслуженные обиды. Не выдержало сердце Виктора Муравленко, не вынесло сердце Николая Дунаева, до срока износилось оно у Василия Бахилова, не выдержало нагрузки у Иосифа Каролинского... Этот список выдающихся бойцов за тюменскую нефть, в расцвете сил ушедших в мир иной, можно бы продолжать и продолжать.

И вовсе не случайно, не по чьей-то прихоти, не по чьему-то настоянию либо повелению, Тюмень стала символом, эмблемой известного во всем мире Западно-Сибирского энергетического гиганта...

Как-то довелось мне побывать в ФРГ на Маннесмановском трубопрокатном заводе. Стоило сказать рабочим, что я из Тюмени, как они заулыбались, приговаривая: — А-а, Тюмень — это хорошо. Это нефть и газ.

«Тюмень — это нефть» довелось слышать мне и от парижан, и от лондонцев.

Дивно ли, что еще в 1966 году газета «Известия» так озаглавливала свои материалы о делах нашего нефтяного Севера: «Пятилетка тюменской нефти» (13 февраля 1966 г.), «Освоение тюменских богатств» (17 июля 1966 г.). И чем ближе к нашим дням, чем мощнее и стремительнее раскручивалась добыча газа и нефти, тем неколебимей и ярче на черном и голубом потоках становился несмываемый знак ТЮМЕНЬ...

Что такое Тюмень?

Это город в Сибири.

Древний город.

Ему за четыреста лет.

Это город —

один из известнейших в мире.

И другого такого

в стране нашей нет.

Что такое Тюмень?

Это сердце живое

Нефтяного гиганта.

Мир лубуется им.

Четко сердце стучит.

Без малейшего сбоя.

Гонит черную кровь

по сосудам стальным...

Да, без малейшей поддержки либо натяжки, с полным на то основанием Тюмень можно и нужно назвать мозгом и сердцем великого сибирского Нефтегазового гиганта. Три десятилетия никто не оспаривал этого. Но вот распалась великая Советская держава, наплыл на Россию смрадный морок, закружившись, заплутавшись в нем, рванули за областной предел окраинные тюменцы, прихватив областной кошелек.

Похоже, запаматовали раскольники: прожитое не переиначить, из песни слов не выкинуть, историю величайшего в мире открытия тюменской нефти и газа, равно как и историю становления тюменского энергетического комплекса никому не переписать. Ни-ко-му, даже столичным и зарубежным вдохновителям развала России.

Нас упорно и настойчиво убеждают ныне, что миром правят деньги. Именно этим кое-кто и пытается оправдать случившийся раскол области, предрекая неминуемо скорый развал России на уделы.

Не верю этому!.. Не верю!..

Пусть не сегодня, возможно и не завтра — все равно, задует свежий ветер. Крепкий ветер. Занозистый и студеной ветер. В клочья раздергает окутавший Россию смрадный морок. Разгонит брюхатые черные тучи. И брызнет на многострадальную Русь ослепительно яркий, пышущий жаром, солнечный поток. Зальет все впадины и ниши, из сумеречных углов, из-за бронированных дверей выкурит, выметет всю нечисть, вызовет на свет божий все тайное, сокрытое, порочное. И ахнет благовест над поднявшейся с колен, воскресшей Россией...

Вот во что верю я. И сердцем. И разумом...

**Из почты
главного редактора**

«Говорим о России, о русскости...»

«... Получил новый номер «Тюмени литературной», сижу и думаю о том счастливым дне, когда в мои руки попал случайно один из первых номеров этой газеты. Это было давно, я помню, как все во мне всколыхнулось, как мне захотелось больше узнать о далеком крае, о котором я так много слышал еще в своем детстве, в песнях, а также в нашей литературе, но все же этот край был мне — как-то в тумане. Вспоминаю, как вы все встречали меня на перроне Тюменской станции, как все мы хорошо посидели в моем доме и поговорили на разные темы. Для нас, русских, живущих в этой далекой тропической Венесуэле, была большая радость иметь и получать вашу газету и из первых рук следить за делами, происходящими в далекой Сибири. То, что вы приняли в свою газету наших писателей и поэтов, это еще больше нас сблизило, ведь ваша газета пошла не только в Венесуэлу, но и по всему миру: Австралия, Аргентина, Канада, я не говорю уже о западной и восточной сторонах С. Америки. Ваша газета познакомила и своих российских читателей с тем, что где-то в других странах есть еще много Русских россиян, которые вот уже почти что век живут, сохраняя свою русскость, мечтают о своей Родине, думают о ней, и стараются своим детям передать память о ней.

К сожалению, был момент, что мы растерялись, ведь мы говорили о России, о русскости, а тут прилетают артисты, представители правительства, и нам говорят, что России нет, что история началась только с 17-го года, что все старое надо разрушить и строить по-новому. Наши дети нас спрашивали: в чем дело? Но мы сами растерялись... и вот что-то случилось... мы ожидали этого всю свою жизнь. Заговорили о Великой Руси, возродилась старая история, мы стали не стесняться говорить, что мы РУССКИЕ. Стали переписываться и даже приезжать к вам. Да разве все это было возможно еще в 85-м году? Конечно, жаль, что новые люди повернули дело так, что разрушили то, что создавали наши отцы. Начиная с Горбачева и его министра иностранных дел Шеварнадзе, они стали разрушать нашу Россию, не требуя даже за увод войск из Германии, Польши и других стран никаких компенсаций.

Раздел и разграбление страны произошло быстро, и сейчас мы видим плоды всей этой «работы». А виновных нет. «Новые русские» вывезли богатства страны и живут себе припеваючи в лучших странах мира, а русский народ опять оказался в дураках. Но что хуже всего — это то, что не находится в России свои управители, а опять нами правят люди, которым Россия не нужна, или нужна, как база для своих целей.

Во всяком случае, мы, проживающие здесь в Венесуэле, очень благодарны всем соратникам «Тюмени литературной», что присылаете вашу газету и этим знакомите с нашей Сибирью, и с положением в нашей стране.

Дай вам всем Бог здоровья и сил для дальнейшей благотворной работы на благо нашей общей Родины — России.

От венесуэльских друзей

Г. Г. Волков.

г. Каракас

Геннадий Бронников

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Рассказ

Карнавал удался на славу. Удивляли нарядные залы, оригинальные «маски», находчивые затейники, а от красавиц-елки все были просто в восторге. Когда в густой кроне лесной гостий радугой вспыхивали огни, она начинала кружиться в сопровождении новогоднего вальса. Музыка лилась откуда-то сверху и все приходило в движение: кружились, позванивая, елочные игрушки, кружились пары, «кружились» пол и стены — и все, все вокруг. Было так здорово, так замечательно! Но чего-то хотелось еще. Наверное, сказки.

И сказка пришла. Когда стрелки часов начали отсчет следующих суток, на сцене появились Дед Мороз и Снегурочка. Они поздравили гостей с Новым годом и... сказка обрела крылья. Во всяком случае так показалось Виктору Смыслову, окруженному ватагой друзей.

— Чудеса да и только, — изумлялся он, продвигаясь к сцене. — Вот это Снегурочка!! Как танцует, а?! Танцует как!! Прямо на крыльях парит. И поет звонко. Голос знакомый вроде бы? Неужели? Ну, конечно, Зинка Белокурова. На глазах маска? А грудь, руки, талия, ножки точеные? У кого еще такая фигурка. Правда, раньше за ней не замечалось особой резвости, да ведь она в клуб ходит, в самодеятельность... А я... Эх!! Теперь не подступиться.

Исполнив последний номер в новогоднем представлении, Снегурочка порхнула в зал. Виктору показалось, что она кивнула ему не то здороваясь, не то приглашая на танец. От этой неопределенности и еще от чего-то необъяснимого у него застучало в груди, в висках, а глаза остановились словно у мушкетера. С трудом преодолев оцепенение, он подошел к девушке и просительно поклонился. Та, помедлив, шагнула навстречу. Тут самообладание окончательно изменило Виктору. Руки задрожали, он никак не мог уловить такта музыки, беспорядочно переступал ватными ногами и наливался краской как перец на новогодней елке.

— Что с тобой? — с иронией спросила Зинка.

— Холодно, — невпопад брякнул Виктор.

— Холодно? — засмеялась она. — Да с тебя пот — градом. Заболел?

— Пожалуй.

— Чем?

— Ни чем, а кем.

— И кем же?

— Тобой.

Тут Зинка залилась таким звонким смехом, что все на них стали оглядываться.

— Не смейся, — умоляюще сказал Виктор. — Если бы... если бы это было возможно?

— О чем ты? — уставилась девушка.

— О чем я? — переспросил как бы самого себя Виктор и страдальчески продолжал. — Понимаешь, женитьба моя — во! Он сделал жест, имитирующий петлю на шее.

Зинка опустила голову, и он заметил как из-под маски скользнули бусинки слез. «Сочувствует, — вздохнул парень. — Понимает, что женитьба моя — совершеннейшая нелепость. Подумать только: меня, убежденного холостяка, так окрутили. А все дружки «не разлей водой». Устроили ресторанный помодьку и теперь живи да радуйся. С кем? С этой недотепой Надькой Смирновой?! Еще в школе терпеть ее не мог. Вечно она была какой-то «не от мира сего», безразличной ко всему, кроме учебы, походила на старушку. Ее так и звали «Старушка». Правда, Надька хорошо работала и на уроках физкультуры, показывала силу, гибкость, но приходила в каком-то мешковатом костюме и мальчики подсмеивались над ней. И «вот тебе, бабушка, юрьев день», Надька — его жена».

Он плохо помнил, как из ресторана привел ее домой, знакомил с матерью. Утром, протрезвев, пытался превратить все в шутку, а мать не позволила. «Говорила какие-то возвышенные слова и...» Надька осталась у них.

Она мало изменилась, хотя окончила вуз и несколько лет работала экономистом на большой стройке. Правда, одевалась прилично, но за модой не гналась и он, всегда одетый с шиком, избегал ее общества вне дома. Надька не обижалась и не удерживала его. Вот и сейчас: он — на бал-маскараде, она — дома. А рядом с ним Зинка. Она так прелестна, мила! И ведет себя запросто. Выслушала его исповедь без тени упрека. Но на предложение стать женой не ответила, интригуяще уклонилась, оставив время для размышления...

Вечер прошел чудесно. С ним — теперь Виктор не сомневался — была та, которую он выпестовал в мечтах, везенье до образа феи. Выйдя из Дома культуры, они долго гуляли по улицам под ясным звездным небом и, наконец, Зинка сказала... «да». Виктор хотел снять с нее маску, но она почему-то воспротивилась.

Зато другое новогоднее желание Виктор исполнил без разговоров: взял девушку на руки и, несмотря на сопротивление, внес в дом. «Теперь конец безрадостной жизни, — решил он, — Отныне в его доме поселится счастье. Пусть осыпает упреками мать, льет слезы жена... Впрочем, какая она жена. Ведь они еще...»

Но дом встретил тишиной. Мать включила свет и всплеснула руками:

— Батюшки! Счастье-то какое!

Что произошло в следующую минуту — Виктор не сразу понял. А поняв, отключился.

— Мама, воды! — крикнула Надя.

Когда шок отступил, Виктор увидел, что перед ним на коленях стоит жена. На полу лежит ее сияющая корона.

— Прости, — с трудом выдохнул новоявленный жених.

— Прощаю, — поцеловав его, ответила Снегурочка. — Это тебе новогодний подарок.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

Король — умер...

На могиле его вянут некогда живые цветы, мокнут под дождем и линяют яркие пластиковые венки, жалко липнут к земле траурные ленты.

Похоронный марш отзвучал и забыт.

В общем, покойтесь с миром, Ваше Величество! Для этого Вам созданы все условия...

На первый взгляд это действительно так. ПОЭЗИЯ (ах, извините, я совсем забыла сказать, что «ПОЭЗИЯ» — это имя нашего почившего в бою монарха) сегодня никому не нужна, а если и мусолит еще какие-то стишки печально-истерическим диском тот или иной из пишущих, то какие это стихи, и какие там поэты, прости Господи!

Но с другой стороны — Театр тоже хоронят тотый век, а он все жив да жив, черт бы его побрал! И на резонный выкрик «Нет ныне Пушкиных!» можно ответить не менее резонно — «Белинских тоже нет!».

Спор этот из серии: «Больной скорее жив, чем мертв, или «Скорее мертв, чем жив» — бесконечен. Может быть, пора отрешиться от эфемерного и перейти к конкретному? И так как доказательств смерти «Его Величества» у нас полным-полно, попробуем доказать, что хоронить «усопшего» все-таки преждевременно. Хотя бы в масштабах нашей Тюмени.

Знакомо ли вам имя Константина Михайлова?..

Позвольте представить: поэт. Две книги его стихов раздобыть практически невозможно. Говорю это с полным знанием дела. И это вовсе не потому, что разъяренные читатели разодрали их на клочки, закопали под дубом и соорудили подобие надгробия размером с... Скорее — наоборот. Неизбалованная поэтическими изысками читательская масса просто задохнулась от потрясения — стихи действительно хороши! И дело даже не в том, что г-н Михайлов знает, что «ботинки — полуботинки» — совсем не рифма, а славную троицу «кровь — любовь — морковь» не употребляет вообще — его стихи это что-то новое, что-то... что-то не похожее ни на что. Поэт копаются в человеческих душах, пороках, страстях до по-хирургически равнодушно, то брезгливо, то ласково, он вытаскивает из несчастного читателя все, придирчиво перетряхивает и укладывает обратно, бормоча: «И тут ничего нового». Поверьте, профессиональному психологу сделать это совсем не трудно, а уж если диагноз вам поставлен в стихах... Это даже шокирует... и в то же время тянет, не отпускает не дает забыть.

Когда язычник мне клянется,

Что жизнь — любовь, я не вина,

Во мне ничто не ответится:

Не та струна... Не та струна.

Здесь нет изъяна слов и слога

И чувство древнее не врет.

Да. Иногда мы любим Бога,

Но Бог — не любит. Он — живет.

Еще имя. Ирина Гущина. Поэзия Ирины Гущиной как раз такая, какую все подряд называют «женской»: встречи, расставания, слезы и т.д. Типично цветаевская ритмика, рифмовка, но, слава Богу, мысли и чувства принадлежат не Марине Цветаевой. Женщины с разбитой судьбой даже всплакнут когде, а мужчины найдут в маленькой книжечке «Разрыв-трава» великолепный справочник психологии прекрасной половины человечества. Разве этого мало?

Имена Дениса Чернышова и Натальи Сергеевой тоже знакомы тюменской молодежи. Правда, достать их стихи еще сложнее, чем михайловские. Просто по причине юности и студенческой бедности своих книг они еще не выпустили, но Денис Чернышов присутствует в ишимском альманахе, а стихи Натальи Сергеевой я надеюсь скоро найти в альманахе тюменском университетском, и имя ему — «Облака».

Осталось сказать, что хоронить нашу поэзию, как и театр, рано. Уверена, настанет время, и в залах снова не будет пустых мест и не только на концертах «Иванушек», но и на выступлениях поэтов. «Железный» век подходит к концу. Градет век золотой. Время собирать поэтические сборники, господа! Почему бы не начать прямо сейчас.

Марина ХАНЦИНА,
студентка ТГУ.

с. Нижняя Тавда.

Чью волю исполняет?

«Уважаемый Николай Васильевич! Обращается к Вам заслуженный работник культуры России Орлова Р. П. Взяться за перо меня побудила обстановка в Тюменском училище искусств. А там происходит настоящий террор, другого слова я не могу подобрать. Вокальное отделение, которому я отдала более 20 лет труда, сознательно разрушается: разлагают учеников, одни ценности подменяют другими, сомнительными, предательство и ложь становятся в порядке вещей.

Все это началось с приходом на должность директора училища Н. П. Засориной. Раньше она работала завучем, тоже «проявляла характер», теперь же, став полновластной хозяйкой, только и слышит от нее: «Я.Я! Не сделаете, всех уволю!».

Вы знаете с каким трудом создавалась Тюменская опера, помощь оказывали лично Вы и газета «Тюмень литературная». И мы выстояли вместе с нашими единомышленниками. В 1995 году губернатор области Л. Ю. Рокетский подписал «Распоряжение об открытии Тюменского экспериментального оперного театра». Оставалось председателю комитета по культуре А. А. Шишкину доработать этот документ, довести вместе с нами дело до конца. Он же стал всюду утверждать, что «театра нет», хотя прошли успешные постановки, сформировался коллектив. Но постепенно своими действиями А. А. Шишкин «прикрыл» распоряжение губернатора.

Но поскольку основа Тюменской оперы — это вокальное отделение училища искусств, задумали, как я понимаю, уничтожить и вокальное отделение. За исполнение этой «задумки» и взялась Н. П. Засорина. Приказом от 4 ноября 1996 года меня сняли с должности заведующей вокальным отделением. За что? За плохую работу? Но ведь буквально накануне сама Наталья Павловна Засорина, давая интервью корреспонденту газеты «Тюменская правда» В. Мефодьеву, говорила: «Вы пришли вовремя: я сейчас готовлю документы на представление Риммы Петровны Орловой к званию заслуженного работника культуры России. Она самый талантливый педагог, работающий с большой самоотдачей, очень добросовестный, энергичный человек... Римма Петровна создала свою школу, одиннадцать ее учеников — одаренные певцы, среди выпускников есть и солисты Государственных оперных театров, преподаватели детских музыкальных школ, ученики ее каждый год поступают в самые престижные консерватории...». Что ж, приятные слова. Добавлю, что я была инициатором создания оперы в Тюмени, поддержала создание колледжа искусств... Как будто не было оснований лишать меня должности?! Искала защиту в разных инстанциях, но увы! Пришлось обратиться в суд. Но вот уже больше года Н. П. Засорина убегает от суда, собирает на меня компромат. Работа эта требует много сил, энергии.

Мыслимое ли дело: после собственной хвалебной характеристики, найти порочащие меня сведения! Приходится искать «соратников» по борьбе среди преподавателей, среди учеников, «обрабатывая» их на моем отделении и на других.

И все это, надо заметить, происходило накануне моего юбилея!

Успешно выступили мои ученики на 2-м конкурсе вокалистов им. Ю. Гуляева, «не то!» Жюри отметило победу тюменской вокальной школы, «не то!». Прошла аттестация отделения с оценкой «отлично», все равно «не то!». Как в сказке Пушкина о золотой рыбке...

Таких примеров можно привести множество.

Мнения педагогов отделения для Н. П. Засориной не существует. Унижая их в глазах учащихся, унижает она и весь коллектив училища.

Самый приметный момент в борьбе директора против вокального отделения: в ноябре 1997 года проходили вступительные экзамены в филиал Уральской госконсерватории. Но как они проходили? Не только конкурса не было, но и объявления о вступительных экзаменах. Все происходило в узком кругу за закрытыми дверями. В высшее учебное заведение вела набор педагог-совместитель со средним образованием Т. Н. Дьякова и ее дочь Е. М. Шлыкова в присутствии представителя консерватории М. П. Владимировой. Поступали... ученицы Дьяковой! Оказалось, что 2/3 принятых «не соответствуют профессиональному уровню студентов филиала консерватории». Это мнение специалистов высокого класса!

В то же время, надо заметить, что достойные, талантливые молодые люди, что могли поступить в консерваторию, есть. Но им закрыли туда дорогу. Естественно, с помощью директора училища. И деятельность эта ведется Н. П. Засориной целенаправленно. Например, в июне прошлого года она сорвала экзамены студентов под предлогом отсутствия финансовых средств на поездку студентов в Екатеринбург. Не способствовала она сдаче этих экзаменов и в Тюмени, поставив все это в вину студентам, лишив их стипендии «за академическую задолженность».

Приехавшая из УГК авторитетная комиссия, чтоб принять экзамены в ноябре, была встречена холодно, экзамены были отменены по надуманным причинам. Проще говоря, Наталье Павловне нужна была «своя» комиссия, которая работала бы по ее указке. И такая комиссия сегодня создана...

Люди видят, что происходит в училище. Не все молчат. В том числе и представители Уральской госконсерватории. Заведующий кафедрой оперной подготовки С. И. Ключко, старший преподаватель сценической речи Э. М. Чарели, профессор, народный артист России Н. Н. Гольшев, почувствовав на себе давление Н. П. Засориной, заявили в присутствии учащихся и педагогов, что

у них создалось впечатление о сознательном разрушении администрацией училища вокального отделения. А профессор консерватории М. В. Владимировой добавила, что «ноги ее не будет, чтоб пачкаться в этой грязи».

Таким образом, директор училища в своих бесконтрольных, беззаконных действиях перешла уже все мыслимые границы разрушительной деятельности. Страдают учащиеся, учебный процесс, дискредитируется недавно созданный филиал Уральской госконсерватории, создается негативное мнение об училище искусств, вообще о «тюменской культуре».

Несколько слов о морально-этической стороне «дела». Понятия эти у меня не совпадают с представлениями о них директора училища. В начале февраля этого года, когда я находилась на лечении в больнице, она собрала педсовет по теме — «Итоги сессии», но очень ловко все переключилось на «разгром Орловой». Громить, обливать грязью человека в его отсутствие, когда он не может и слова сказать в свою защиту, в училище — принятая «традиция». Подключили к этому делу и кой-кого из бывших моих воспитанников. Конечно, это грустно, больно. Я не учила их шагать по головам к достижению цели. Но, надо сказать, Н. П. Засорина умеет манипулировать людьми, а те боятся порой просто-напросто лишиться средств к существованию. Вспоминается в этой связи дикий случай расправы Н. П. Засориной и парторга училища Э. Ф. Русаевой (1988 год!) с неугодным им преподавателем Е. Н. Зуевой, которую отправили по заявлению в психиатрическую больницу. Совершенно здоровому человеку заткнули таким образом рот, чтоб он не выступал с критикой недостатков.

Преподавательница эта не работает в нашем коллективе. Но вот недавно прислала письмо. Приведу несколько строк из него: «Дорогие коллеги! Со многими мы проработали более 20 лет, я считаю коллектив наш профессиональным, грамотным, но разве вы не видите, что он разрушается на глазах, многие уходят, некоторые отстают. Да, жить всем хочется, и приятно, когда начальство «подкармливает», но должен же быть какой-то предел? Один человек позвонил мне и сказал: «Прости меня сразу, если будет голосовать, я буду голосовать против тебя, ведь, знаешь, — уволят сразу! До какого состояния можно довести человека, чтоб он мог так поступить?!».

Р. П. Орлова,
заслуженный работник
культуры России.

От редакции. Смута, что продолжается в Отчете уже больше десяти лет, выплескивает на поверхность себе подобных «героев». Мы уже не раз писали о торжестве серости, бездарности, причем, агрессивной, — в среде культуры, искусств, литературы. Подлое время, горькое время! Разрушители действуют повсюду.

Но сейчас, в данном письме, речь идет о конкретных людях, о конкретном учебном заведении, потому надеемся, что здоровые силы в административных органах разберутся в происходящем и справедливость восторжествует.

Тюмень литературная

Побывальщины

Любовь Уляшева

ЧУДЕСА

Ты просил рассказать сказку, а я хочу рассказать быль, а может и небыль. Кто поверит, кто ужаснется, а может и рассмеется. В ночь на Ивана Купала пошла я в лес — травки собирать росные. Сильна травка в эту ночь да еще с росой. Да и брать ее надо с уговором, с поклоном.

Здравствуй, мать сыра земля,
Дай мне травку сильную, изобильную,
Людей излечить и самой полечиться.
Иисус послал — не сама пошла,
Радость свою и его принесла.

Иду, собираю, ночь звездная. Села передохнуть, комар зудит, полынью обтерлась. Легла на траву, на звезды смотрю и радуюсь, что родилась на земле, что суждено такую красоту видеть. Вдруг, слышу, то ли ветер в вершинах гудит, то ли поет кто. Интересно стало, села оглянулась. Батюшки, хоровод! Девицы голые танцуют — то ли туманом, то ли капроном обвитые, тела гибкие, как трава. На ветру качаются и поют. Ах, как поют! — плакать хочется от красоты такой. И в хоровод бы ушла, да ноги не несут. Только подумала, захохотал кто-то. Исчез хоровод и мне страшно стало. Хотел дамой, что мурашки по коже пошли. Кто хохочет? Где? Пригляделась, у березы человек стоит, только больно высокий, ростом с эту березу. Кто такой? Бог его знает. Молитву начала читать, а он мне говорит: «Не читай, не пугливый я. Лучше молочка налей, да угости хозяйина. Сама в мой дом пришла, да еще ночью, я ведь тебя не звал». Что делать? Налила молока на лопух, поклонилась. Полынь со зверобоем у сердца держу. Уходить надо, а ноги не несут. Заухало, засвистело, запричитало, завыло по лесам вокруг меня. И слышу снова: «А теперь сиди и слушай до утра, а мы тебя развлекать будем». И много я в ту ночь услышала про травы, про себя, про родных своих — сказок и былей. А рассказал мне их народ лесной в ту ночь чудесную. Много показал и спугал, и порадовал, да и очаровывал меня, грешную, чудесами земными.

Значит, не зря я на земле живу, не зря меня мать родила. Ради красоты такой жить и умереть можно, да, видно, не пришел срок.

Утром домой пришла с полной корзиной трав. Запахи и краски той ночи через всю жизнь пронесу, детям и внукам подарю.

Вот такая ночь в моей жизни была, а, может, еще будет. Дай-то Бог, была бы!

ПРАДЕД

Был прадед у меня, Яков Георгиевич. А в деревне его Яковом-колдуном звали. Про Марфу слышал? Так, значит, отец он ее и есть. У нас в деревнях-то мужики по зиме извозом промышляли. Рыбу, мясо там, капусту в города на базары возили. Копейку каку ни на есть и заробят, в дом — на черный день.

И такой случай однажды приключился. Возов пятнадцать, а может и более набралось, точно, милушки, не скажу. К вечеру до постоянного двора и добрались с Божьей помощью. Мужикам-то спокойно, Яков с ними, не оборуют, значит. Ну, обошел прадед возы и к мужикам. Поужинали, четверть водочки раздавили и на боковую до утра. За день-то намерзлись, устали.

Утром перекусили по-быстрому, да к возам, ехать пора. А там мужичонко чужой, затрапезный какой-то, кривоватенький. Кругами у воза ходит, трясется от холода. Как Якова увидел, в ноги-то и бухнулся:

— Отпусти, — просит, — за Христа ради, замерз, всю ноченьку у возов кружился...

А прадед ему в ответ:

— Значит, с худыми мыслями к возам подошел, а теперь рассчитываться будешь. И чтобы не повадно было на будущее и помнил всю жизнь, как на чужое зариться, вон, видишь, — конский навоз, вот и грызи.

Взмолился мужичонка:

— Прости, дед! Не заставляй дерьмом рот поганить.

Прадед и спрашивает:

— А душу испоганить не убоился? Вот и грызи!

Грызет мужичонко навоз и плачет. Ну, через малое время Яков его отпустил — с напутствием, что вкус этого дерьма на всю жизнь у мужика будет появляться, как только рука к чужому добру потянется.

Вот какой прадед был суровый, но справедливый. Побаивался его народ, но и любил тоже. Много добра люду деревенскому он сделал. И вора накажет и в горе успокоит.

г. Тобольск

Игорь Клевцов.

рабочий Тюменского управления
магистральных газопроводов

КЛЯЧА

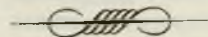
Холка стерта, вислый зад,
Дрожь в коленках,
тусклый взгляд,
Шкура пятнами седыми,
Челка лезет на глаза...
Не горюй, старушка кляча,
Ты поешь еще овса!
Отвезем на двор солому,
А потом, в середине дня,
Раз пятнадцать к водоему
Съездим, бочкою гремя.
Председателю на дачу
Нужен к вечеру — назем,
Напоследок с огородов
Мне картошки привезем.
С каждым словом моя кляча
Все сильней коленки гнет.
Не нужны ей те поездки —
Ни на двор, ни в огород.
Ей бы в стойле, при конюшне,
Доживать печальный век.
Но судьба у клячи злая, —
Ею правит человек.
И, вздохнув, трусит родная,
Вновь везет нелегкий воз,
С теплотою вспоминая,
Ей обещанный, овес.

ПРИЗЫВНОЙ ЭТЮД

Опустевшие перроны,
Звон гитарный —
Из вагонов,
И девчонок одиноких
Строй печальный у дороги.
Неспокойно сердце бьется:
Вдруг любимый не вернется?!
Позабудет обещание,
Что оставил на прощание...

* * *

Не бледней, и слез —
поменьше...
Я вернулся насовсем.
Взгляд распахнутый, зовущий,
Шаг вперед, —
Опять мы вместе.
За плечами расставанье,
Ночи длинные без сна.
Я не схимник — знаю женщин,
Но нужна ты мне одна.

На юге Тюменской области, вплотную к городу Ишиму, расположена производственная территория линейного производственного управления магистральных газопроводов (ЛПУ). Здесь работают те, кто в наш патриархальный, земледельческий край привел газ. А газ — это не только тепло и свет, это экономическая и социальная стабильность. Это новый образ жизни, основанный на современной технологии. Как говорит Рэм Иванович Вяхирев, Председатель Правления (РАО) «Газпром»: «Газовики дают энергию и устойчивость всему народному хозяйству».

От Заполярья до Черного моря, по необъятным просторам Сибири пролегли трассы газопроводов, где день и ночь не прекращается работа, слаженно трудится коллектив газовиков.

Ишимское линейное производственное управление магистральных газопроводов обслуживает 227 км трассы, идущей от Уренгоя на Омск, Новосибирск, Кузбасс, и 220 км газопроводов-отводов высокого давления, проложенных в сельскохозяйственных районах юга нашей области: Омутинский, Голышмановский, Аромашевский, Сорокинский, Ишимский, Бердюжский, Казанский, Абатский, Викуловский, Сладковский. Обосновавшись на южных землях региона в 1991 году, коллектив Ишимского ЛПУ устами своего главного инженера Виктора Старостенко признался: «Всерьез и навеки». Да, работать людям здесь до тех пор, пока идет по трубам голубое топливо. «Мы обеспечили прокладку газопровода с учетом будущего развития региона и сегодня готовы выполнять любые задания по транспортировке газа», — говорит начальник Ишимского ЛПУ Александр Иванович Наумов. Действительно, современная технология, мощная производственная база позволяют коллективу успешно справляться с поставленными задачами по бесперебойной и безаварийной транспортировке газа. Вдуматься только и станет ясно, что за дежурными, казалось бы, словами «Справляемся с задачами» стоит четко и научно организованный труд не одной сотни людей. А за ними — жизнь целого региона.

На фоне спада производства, остановки предприятий, безработицы газовики «прорубают окно» в мир новых экономических отношений, основанных на взаимной выгоде, уважении к партнерству, высокой эффективности труда. Многие жители района и города получили здесь работу,

и достаток, и внимание, столь редкое в наше беспокойное время. Не случайно поэтому каждый, кто трудится здесь, дорожит своим рабочим местом. «Мы уверены, что завтра будет работа, а это — главное», — рассказывает Олег Глухов, линейный трубопроводчик. — Я начинал с прокладки первого газопровода в 1988 году. Вели трассовый образ жизни, то есть и дом, и стол под открытым небом, в поле. Выручала молодость и желание качественно и в срок проложить трассу. От этого зависело будущее: работа, квартира, зарплата — все то, чем живет человек. А когда трасса была проложена, я поехал учиться в Сургут. Получил специальность наладчика и теперь работаю на обслуживании своей трассы. Газ в наших краях — это возможность расстаться, наконец, с грязью, мазутом, угольными котельными».

Рабочие в Ишимском ЛПУ — основная сила и опора в решении повседневных производственных вопросов. Бережное отношение к кадрам заметно во всем — от заботы о повышении профессионально-квалификационного уровня до различных социальных гарантий, таких, например, как финансовая поддержка индивидуального строительства. За годы существования, — а это шесть с небольшим лет, — в Ишимском ЛПУ для рабочих и служащих построено немало коттеджей и квартир в поселках Н-Кировке, Абатском, Лозовом. Строятся квартиры в Ишиме. Все жилье благоустроенное. А фабрика «Тюменьмебель», что в ведомстве объединения «Сургутгазпром», поставляет по доступным ценам для новоселов ЛПУ прекрасную мебель. Казалось бы, малость, а людям приятно. Оператор газораспределительной станции, что обслуживает город Ишим и Ишимский район, Владимир Цыганчук с гордостью показал свой коттедж в поселке Лозовое. Рядом с его домом — десять соток земли. «Вся земля будет занята садом», — говорит Владимир Андреевич. Следуя за его мыслями, легко представить этот уголок, пока необжитой природы, цветущим, утопающим в весеннем яблоневом цвету. Поселок газовиков — Лозовое — самый молодой населенный пункт под Ишимом виден издали: красуются белокаменной кладкой новенькие коттеджи.

В Ишимском ЛПУ на обслуживании десять автоматизированных газораспределительных станций (АГРС). Все они работают на сельскохозяй-

ственные районы области. Бесперебойную и безаварийную работу АГРС обеспечивают квалифицированные, опытные операторы, среди которых Владимир Цыганчук и Олег Глухов — ветерану ЛПУ, надежная опора руководства управления.

Рабочие, в свою очередь, проявляют бережное отношение к вверенному им оборудованию. Особой заботой окружена компрессорная станция (КС-13) под поселком Карасульское. На заболоченной недавно местности

ВСЕРЬЕЗ

встали современные корпуса станции, на продуваемых всеми ветрами степных просторах выросло чудо современной технологии.

По магистральному газопроводу газ поступает на блок пылеуловителей для очистки от механических примесей, затем приходит в отсек нагнетания, где компрессируется, и, наконец, поступает в агрегаты воздушного охлаждения (АВО). Пройдя положенный технологический процесс, подготовленный газ устремляется по магистральному газопроводу дальше, в промышленные районы страны. Гордостью станции стала первая в Тюменском управлении магистральных газопроводов многофункциональная система управления и контроля (МСКУ), которая проверяет готовность агрегатов, осуществляет автоматический пуск их, выдает предупредительную сигнализацию диспетчеру, обеспечивает остановку агрегата в случае неполадок. «До аварийной ситуации не допускаем, — поясняет начальник турбинно-компрессорного цеха Юрий Игнатовский, — своевременно проводим профилактику, чтобы обеспечить бесперебойную подачу газа».

Вся информация о работе агрегатов стекается на диспетчерский пункт, где зорко следят за приборами опытные специалисты. На станции нет никого, кто бы не знал своего дела. Все кадры, как на подбор — молодые, профессионально подготовленные. Начальник турбинно-компрессорного цеха Юрий Игнатовский особо все же отметил А. Бабченко, С. Данилова, В. Дайхерта, Г. Константинова и молодого специалиста, выпускника Тюменского нефтегазового университета Павла Удод, ныне инженера службы контрольно-измерительных приборов и автоматики. Со свои-

ми обязанностями молодой инженер справляется грамотно.

Стабильную работу станции обеспечивает служба электроснабжения, которой командует Сергей Смирнов. В его хозяйстве — электроподстанция, водозабор из трех скважин, блок очистки воды, 20 человек персонала. Служба С. Ф. Смирнова работает дружно, слаженно, четко. Дисциплина на станции, как и в целом по линейному управлению, — строгая. Научно-техническая организация тру-

видный, — заметил Александр Андронов, бывший стропальщик, ныне — инструктор-методист по спорту, — что создано, организовано, построено — все под руководством Александра Ивановича Наумова. Начинали-то мы в голой степи, зимой. А теперь, поглядите, и поселок выстроили для газовиков, и одну из лучших компрессорных станций. Это мы, работники ЛПУ, привели сюда газ — топливо будущего».

Александр Андронов — душа коллектива ЛПУ, а приметил и вырастил его Александр Иванович Наумов. И не ошибся руководитель управления: незаменим Андронов в сложных производственных делах и на отдыхе. Хороший организатор, он увлек коллектив занятиями спортом. В соревнованиях подразделений Тюменского управления МГ команда Ишимского ЛПУ одна из активнейших. Вместе на работе и на отдыхе, крепкое товарищеское плечо для каждого и в горе, и в радости. Может быть, поэтому у рабочих и инженеров ЛПУ крепкие семьи, надежный тыл.

И НАВЕКИ

да постоянно совершенствуется. Начальник ЛПУ А. И. Наумов считает эту задачу одной из первых. Внедрение новых технологических методов и оборудования, бережное отношение к кадрам, опора на трудовой коллектив, дисциплина и порядок, а также личное обаяние и высокий авторитет А. И. Наумова позволили коллективу сформироваться в мобильный грамотный отряд газовиков, готовых к выполнению заданий объединения «Сургутгазпром». «Подбор и расстановка кадров в условиях сельхоззоны оказались простыми, — рассказывает начальник ЛПУ. — Ведущие специалисты управления Виктор Старостенко, Петр Кудиенко и другие обеспечивают работу служб на высоком профессиональном уровне. Рабочие кадры подбирали из местного населения, и естественно, многим пришлось обучать новую для них профессию. Предприятие молодое, но коллектив стабильный, сложившийся. Немало у нас хороших работников, замечательных людей, преданных делу».

Сам начальник ЛПУ отличный профессионал. Вне работы, вне трассы не мыслит себе жизни. И немудрено: 28 лет в нефтяной и газовой промышленности оставили единственный на всю жизнь след — любовь к делу, которому служит. Совсем юным приехал Наумов на Тюменинцу, осваивал Север, а теперь здесь, на южных сельскохозяйственных землях построил газопровод и верит, что построит надолго — и для внуков, и для правнуков. Дай Бог, как говорится. В Наумове, как руководителе, много ценных качеств. О всех их сразу не скажешь, но об одном — умении видеть человека, ценить в нем специалиста — говорили и рабочие, и начальники служб. «Он у нас дальню-

«В объединение «Сургутгазпром» мы с мужем приехали в 1979 году по распределению и нашли здесь хороших товарищей, настоящую работу, — рассказывает З. П. Старостенко, инженер узла связи, — и в Ишине мы со дня основания нашего управления. Коллектив сравнительно молодой, работаем с полной отдачей сил. Многие уже сделали. В декабре прошлого года смонтировали и запустили в работу на узле связи автоматическую телефонную станцию. Кстати, на КС-13 точно такая же АТС. Это современная цифровая телефонная станция, позволяющая осуществлять автоматически связь со всеми подразделениями «Сургутгазпрома». И конечно же, система «Харрис» позволила связать в единую телефонную сеть объекты Ишимского ЛПУ. На узле связи работают квалифицированные специалисты. Сделано много, но еще больше предстоит сделать и по совершенствованию технологического оборудования, и по социальным гарантиям для коллектива».

Да, нет предела для совершенствования, и это становится очевидным, когда узнаешь, что есть в наших краях такие люди, как в Ишимском ЛПУ. Это те, кто работают на будущее и преданно служат сегодня своему делу.

Нина СВЯЖЕНИНА,
наш корр.

Первые строчки

«Меня зовут Герасимова Елена Вячеславовна. Мне 14 лет, с 12-ти пишу стихи.

Я живу в городе Тобольске (отец работает на КС-9), учусь в гимназии № 10, в 9 «А» классе.

Стихотворения написаны в 1997—1998 годах».

Елена Герасимова

ОТРИЦАНИЕ

Нет, этот мир — не для меня:
В нем нет огня,
В нем нет друзей,
И даже счастливых детей.

Холодно-темные тона.
Пришли такие времена,
Где — постоянно — война!
Когда же кончится она?

Ты думаешь, есть мир другой,
Что он красивый, золотой,
Там все устроено, любя?..
Но этот мир — не для тебя.

ВОСПОМИНАНИЯ

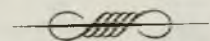
Я помню строчки из письма,
Шальную музыку ночей.
Тогда была еще зима
Среди мерцающих свечей.

И ты один, и я — одна,
Без света наши этажи.
Сейчас за окнами — весна.
Зачем пришла она, скажи?!

ПОСВЯЩЕНО ТЕБЕ

Нет ничего уже в душе,
И все: прости-прощай.
Но, знаю я, любовь к тебе
Моя поднимет — в рай!

Иначе жить — гореть в аду,
Твое лишь помня имя,
Но я туда не попаду
С запросами моими.

«Кто гладит по шерсти всех и все, тот, кроме себя, не любит никого и ничего, кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла».

Н. Г. Чернышевский

Николай Шамсутдинов

КОЧКА ЗРЕНИЯ

*Как на поляне кочку,
которая торчит,
Редактор режет строчку,
которая горчит.*

Александр Гришин

Я был рожден в сорочке...
Да только что мне дар?! —
редактор режет строчку,
а значит — гонорар.
Настырней, чем железо,
кромсающее лес,
он дачку мне зарезал.
Канары, «Мерседес».
Все режет без зазрения,
и, доброхот на вид,
на этой точке зренья,
как кочка, он торчит.
Так ты, выходит, грабить?!
Я потерял покой,
ведь в пору мне на паперть
с протянутой рукой...
Ну-у, я дошел до точки!
Зоилу на беду, —
«Убью!» — и с этой кочки
уже я не сойду.

ИМЕНА

*... огнестрельное имя — Сергей!
Опустилось с парнасских высот.
Лариса Васильева*

Трепещите, медведи-разини,
Леопарды и рыси!
Эгей!
Я купила в охотмагазине
Огнестрельное имя — Сергей.
Грежу я —
с хладнокровием редким,
Отерев набегающий пот,
Я соперницу
выстрелом метким
Низвергаю с парнасских высот.
Мчусь домой торопливою рысью,

Из новой книги пародий

Чтоб порадовать мужа,
А он
Мое нежное имя — Лариса
Точно пых,
забывает в патрон...

ДОГОВОРИЛАСЬ

*Бесконечными веками —
есть на то причина —
разговаривал руками
любящий мужчина.
Если что сказали руки,
повторять не надо.
Был он, может быть, и грубый...
Как смотреть, однако...*

Римма Казакова

Надоели мне поэты
С длинными речами.
Мне мужчина люб — отпетый,
С длинными руками.
Рассусоливать не станет,
Ты, мол, надоела...
Из любой щели достанет,
Ежели за дело.
Чуть чего, и сразу в зубы,
И — забудь о сдаче.
Для кого-то он и грубый,
Я смотрю иначе.
Кто в профком бежит... Знакомо...
Надо разобраться:
Ну, а где же, кроме дома,
Мужу размяться?!
Думать надо! Да чем больше
Любит он, мужчина,
Разговор крупней и дольше,
Если есть причина.
И никто, увы, не знает,
Что душе — отрада.
«Повторить?» — он вопрошает.
И мычишь: «Не надо...»
Почему держусь науки
Балаболить мало? —
В разговорчивые руки
Сызмалу попала...

ВЫШЛИ В РАЙОННЫХ ИЗДАНИЯХ

Где только не выходят нынче стихотворные книжки! Всякий уважающий себя населенный пункт — при свободах! — стремится обнаружить местных поэтов. Районная компьютерная техника выдает сборники, внешнему виду которых могли б позавидовать профессионалы-поэты, что в 70-80-х печатались в престижных «Советском писателе», «Современнике» или Средне-Уральском книжном издательствах. «А что? — спросит иной наивный, простодушный, — Плохо ли?» Да уж, вроде, грех ругать, поддержка культуры!»

Скажем, местная лирическая поэтесса из Грачей Казанского района Тамара Гурьева на большую радость сельчан вышла отдельной книжкой. Хорошо! Событие в истории села. Столько слов признательных отчому краю грачевцы и не слышали. Плохо — да! — строгий редакторский карандаш по рукописи загодя не прошелся. О-очень он необходим!

Другое дело, однако, когда посредственный стихотворец из «профессионалов» издает «кирпичик» под рубрикой «классика тюменской поэзии». «Да уж!» — промолвил бы незабвенный Киса Воробьянинов. Сие самоназвание предполагает наличие и, скажем, «ялutorовской», «омутинской» или «новоуренгойской классики»... А что? При наличии отсутствия здоровой самооценки возможен сей абсурд!

А впрочем, мы не собираемся удерживать этот «бурный поток». Где уж нам! Просто констатируем, что талантливое в том потоке, как и во все времена, наличествует в небольших дозах. Так было, так будет. И грустить по этому поводу не надо. Просто отмечаем радостное событие для авторов тюменской глубинки: у них вышли книжки! Кого-то из читателей эти тоже порадают, чит Бог. Вот эти сборники, что недавно поступили к нам в редакцию: Ольга Чернышова «Встречи и прощания»; Стихи ишимских поэтов «Книга откровений»; Тамара Гурьева «Я — русская». Книги напечатаны в г. Ишиме.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ УЛЫБАЮТСЯ

Кому пойдут деньги?

— А кому предназначены эти деньги? — поинтересовался пожилой господин, когда к нему подошла молодая монахиня с кружкой для сбора пожертвований. — Господу Богу?

— Господу Богу.

— В таком случае я передам их Ему сам, — ответил господин. — Я, наверное, увижу Его раньше вас.

Постоянство

В кондитерской раздается телефонный звонок. В трубке слышен мужской голос:

— Алло, это говорит мистер Смит. Примите заказ на торт по случаю дня рождения моей жены.

— Сколько свечек?

— Двадцать девять, как всегда.

В зале суда

— В каких отношениях вы были со своим мужем?
— В дружеских.

***

Во время бракоразводного процесса судья говорит: — Было же в вашем муже что-то привлекательное, раз вы вышли за него замуж?

— Было, было, но уже израсходовано все до последнего доллара.

Трудности с языком

— Были у тебя трудности с французским языком в Париже?

— У меня нет, а у парижан — да.

Журнал «Бюллетень».
Венесуэла, Каракас.

Ишимское ЛПУ МГ Тюменского управления магистральных газопроводов предприятия «Сургутгазпром»

Торжественное открытие КС-13 (1996 г.)
С поздравительным словом выступает
главный инженер «Сургутгазпрома»
Игорь Алексеевич ИВАНОВ

Поселок Лозовое
Жилые дома газовиков

Сменный инженер-диспетчер
Вячеслав КОВИН (слева) и
машинист ТКЦ Сергей ДАНИЛОВ

Пылеуловители
на КС-13

В тюменской тайге

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

Хун Цзычан. Вкус корней

Добротой часто можно причинить вред, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай. Из неудачи нередко можно извлечь полезный урок, поэтому промахи — лучшее подспорье делу.

На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальное отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире.

В круговороте мирской жизни отступить на шаг не зазорно. Отступление — залог продвижения вперед. Позволить другому взять твою долю — вот счастье. Помощью другим держится подлинная помощь себе.

Навозные личинки утопают в нечистотах, но, превратившись в цикад, пьют росу под осенним ветром. Гнилушка не испускает света, но превратившись в светляка, горит под осенней луной. Нельзя не знать: чистое всегда выходит из грязи, светлое всякий раз рождается из тьмы.

Не жажда успеха в мире. Не впасть в заблуждение — это уже успех. Не ищи милости людей. Не заслужить их ненависти — это уже милость.

О своих заслугах перед другими не нужно помнить. О своих проступках перед другими нельзя не помнить. О милости других к себе нельзя забывать. А об обидах, нанесенных вам, нельзя не забыть.

В бедном доме чисто метут пол. Женщина, познавшая нужду, тщательно укладывает волосы. Где красота не по-

рождена роскошью, прекрасно целомудрие духа. Добродетельный муж, даже живя в нищете и забвении, не придет в отчаяние и не изменит своим идеалам.

Будь сосредоточен в час досуга — это пригодится тебе, когда будешь спешить. Не расслабляйся в час покоя — это пригодится тебе, когда будешь действовать. Не обманывай в темноте — это пригодится тебе, когда ты будешь на виду.

Когда литературное произведение совершенно, оно красиво и без прикрас. Когда человек совершенен, он велик и без выдающихся заслуг.

Воюя с негодяями, оставляй им пути к отступлению. Быть к ним беспощадным — все равно что закупоривать мышиную нору: мыши, сдохшие в норе, отравят все вокруг.

Лучше услышать от низких людей брань, чем услышать от них похвалу. Лучше заслужить от благородного мужа упрек, чем увидеть его безразличие.

С подчиненным не будь резок, иначе он не захочет служить у тебя. С друзьями не будь развязан, иначе в друзьях у тебя окажутся одни ничтожества.

Если тебя преследуют неудачи, подумай о тех, кто неудачливей тебя, и твои обиды рассеются. Если в твоем сердце закрадется нерадивость, подумай о тех, кто преуспел больше тебя, и ты воспрянешь духом.

Друзьям оставь втрое больше, чем себе. Для себя сохрани хотя бы крупицу первоначальной чистоты сердца.

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская областная писательская организация, коллектив редакции, ТАЛ.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.1991 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадетов в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в Шадринском ПО «Исеть» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641800, г. Шадринск, ул. Спартак, 6.

Подписано в печать 23 марта 1998 г.

Тираж 1100 экз. Заказ № 387.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка Елены ВАНЬЧЕВОЙ
Корректор Татьяна КАМЫШЕВА

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов

